

Беседы у камина

№4

<i>От редакции</i>		1
<i>Стихи</i>		
<i>Дарья Иванова</i>		2
<i>Лу</i>		11
<i>Сергей Бондаренко</i>		13
<i>Кирилл Веприков</i>		14
<i>Павел Матвеев</i>		22
<i>Омуртай Нурпеисов</i>		29
<i>Алексей Березкин</i>		33
<i>Мари Фиар</i>		42
<i>Проза</i>		
<i>Екатерина Горбунова-Мосина</i>		4
<i>Алекс Ершов</i>		12, 18, 40
<i>Арсений Лайм</i>		23
<i>Олеся Янгол</i>		31
<i>Влад Вол</i>		37
<i>Публицистика</i>		
<i>Евгения Литвиненко</i>		15
<i>Риммристая</i>		34
<i>Тематический раздел</i>		
<i>Шукигинская премия</i>		43

Дорогие читатели!

Перед вами четвертый номер молодого самиздата «Беседы у камина». А это может значить только одно. Впереди у нас маленький юбилей — пятый выпуск газеты. Подобно тому, как человек к пяти годам обретает разные навыки, умеет ходить, говорить и читать, наша газета тоже растет и учится, приобретая новые качества и черты.

К четвертому номеру мы расширили наш ареал обитания. Теперь наша газета набирает произведения сразу на нескольких интернет-порталах. Открыт кабинет редакции «Бесед у камина» на сайте <http://proza.ru>. И уже в четвертом номере вы встретите рассказы и миниатюры пользователей этого ресурса.

В четвертом выпуске вы так же найдете рубрику «Интересные факты из истории языка». В ней мы поговорим об истории русского языка и происхождении некоторых слов. Мы планируем сделать эту рубрику регулярной и будем рады, если она окажется вам полезной.

Текущий номер включает в себя еще две статьи из раздела публицистики. Первая посвящена всероссийской Шукшинской премии. Вторая статья написана молодым автором для еще более молодых авторов и называется «Ученик чародея».

Кроме того, в этот раз мы решили изменить схему набора в рубрику «Выбор читателя». В четвертом номере этой рубрики вы не встретите. Зато в пятом номере будет сразу два «Выбора читателя»: прозаический и стихотворный. Приглашаем всех желающих зайти на наш форум и оставить свои голоса за понравившихся авторов. По результатам голосования и будет сформирована рубрика.

Надеемся, что новый, четвертый, номер нашего издания придется вам по вкусу.

Всегда ваша,

редакция БУКа.

Иванова Дарья

Не сплю. Это странно. И даже немного грустно.
Муаровость ночи, как шёлковая загадка...
Подёрнуто дымкой неясное моё чувство,
В котором тонуть не страшно, погибнуть сладко.

Ночные объятия накрыли мир покрывалом
Теней печальных, чудесных снов и фантазий.
Финал любого пути в эту ночь – начало,
Исходная точка для новой прозрачной бязи

Восторгов, мыслей... и сплетен, пожалуй, тоже.
Тепло свечей не сравнится с теплом объятий.
Поможет бог? Или кто-то другой поможет?
Вот утром проснусь и надену красное платье.

И шёлк упадёт на плечи, и стянет пояс –
Всё туже и туже, чтоб вздох мой встречал барьеры,
А если на крик сорвётся случайно голос,
Никто не заметит, никто не узнает цену.

И пусть говорят, если смеют. И пусть метели,
Сорвавшись с неба, укроют вуалью снежной
Весь мир, все дороги. Картинкою акварельной
Пусть станет земля в белоснежных своих одеждах.

И каждая строчка рифмуется с робким взглядом,
И каждая нота врывается в сердце рифмой.
Не сплю до рассвета. Мой ангел присядет рядом
И мягким крылом укроет мои молитвы.

Звезда

Я сегодня увидела, как родилась звезда.
Я дала ей имя твоё. Это наша с ней тайна.
За мгновенье до гибели выпустит яд гюрза,
За мгновенье до вечности небо станет бескрайним.

За секунду до вскрика – только короткий вздох.
Мне звезда моя подмигнёт, лишь взгляну на небо...
Сразу сердцу теплее. И с тёплой улыбкой Бог
Обратит до рассвета быль в золотую небыль.

Млечный путь прольётся волшебной звёздной рекой,
Небо спустится ниже, чтоб я смогла дотянуться.
Сколько ярких звёзд! Но нету другой такой!
Я найду свою и осмелюсь к ней прикоснуться,

И возьму её в руки, поглажу её лучи,
Назову по имени и отпущу обратно.
В темноте звезда до утра со мной помолчит,
А потом растает, мигнув мне своё «до завтра».

И опять окутает землю пушистый снег,
И прохожие паром будут чертить дыханье.
На закате время упрямо замедлит бег...
Я зову звезду за мгновенье до возгорания.

*Почему мой князь не спешит ко мне?
Не приносят голуби писем...
Я царапну снег, припаду к земле
И помчусь к нему тенью рысьей.*

*Впереди – закат на лихом коне
Развевает по небу знамя.
Я царапну снег, припаду к земле
И вгрызусь в темноту зубами.*

*В тишине мой рык воспарит к луне.
Страшным зверем ворвавшись в терем,
Разорву врагов, припаду к земле,
Разливаясь ночною тенью.*

*И ресниц коснусь, что дрожат во сне,
Прогоняя из сна опасность.
И уйду в рассвет. Припаду к земле
Зверем раненым, снегом красным.*

Пограничье души

Пограничье души...

*Перелистано небо,
Забрызгано тучами солнце.*

*А зима не спешит уходить, рассыпаясь морозом.
Поцелуем огня обжигаясь, душа рассмеётся,
И, презрев все законы, объявит июльские грозы.*

*Перспективы тоски не пугают. А если и смеют,
То не страшно совсем, лишь немного нервозно, пожалуй.
Мне сказали – такие, как я, никогда не умнеют,
И всю жизнь им врезаются в спину кривые кинжалы.*

*Территория риска. Расчерчена жизнь на квадраты.
Я итрихую один – не соваться в него – это больно.
Чья вина в том, что души легки и наивно-крылаты,
Что сплели так судьбу беспристрастные мудрые мойры?*

*Отторжение правил. И пусть кто-то скажет, что глупо.
Даже если осудят, не страшно, не стыдно, не горько.
Да и смеет ли кто-то судить?.. И что может разлука
Сделать с жизнью? Внести в неё соль ожидания, и только...*

*На закате срывается снег лёгким пухом из крыльев.
И рубиновый солнечный луч прошивает планету,
Разнося облака на комочки оранжевой пыли.
Пограничье души в тонком мире незримого света.*

*Каждый день читаю твою душу
И снимаю боль с твоих ресниц.
Мир построен мой или разрушен?
Я встречаю череду зарниц,*

*Разбиваю снежные курганы,
Перелистываю дни тревог.
И молчат деревья-великаны,
И молчит в заоблачности бог.*

*Мне гадать бы, но чисты ладони...
Мне молиться бы, да нет икон.
Сердце ноет, плачет, тихо стонет,
В колокольный выливаясь звон,*

*Распахнув последние объятья
Своду неба, неба цвета глаз.
Дай мне сил принять твоё распятыё,
Как подарок. И в последний раз*

*Сделать вздох – всего один, бездонный.
Сделать шаг с последней высоты.
Покоряясь древнему закону,
Расплатиться кровью у черты,*

*Этой жизни принимая бремя,
Боль твою снимая, словно тлен.
Ты не должен ничего взамен.
Сердца стук отсчитывает время...*

Екатерина Горбунова-Мосина

Жизнь цвета радуги

Каждый (красный)

Тася просыпалась каждое утро с осознанием того, что срочно необходимо что-то менять, за что-то бороться. Поэтому гнала прочь мысли о годах, идущих вперед, о необходимости проживания в одной квартире с давно чужим человеком, о морщинках под глазами, которые скоро будет не способна скрыть никакая дорогая косметика, о том, что некогда весьма роскошная фигура несколько погрузнела...

Женщине было тридцать три. Возраст Христа. Говорят, это ключевой этап для мужчины. Мол, для слабого пола - тридцать три это просто очередные двадцать пять с хвостиком...

Тася настраивала себя, что последнее весьма вероятно. Ей посоветовали упражнение. Надо просыпаться каждое утро с улыбкой, вне зависимости от качества своего изображения в зеркале, и манящим тоном произносить себе слова любви или просто ласковые прозвища. От искусственных комплиментов организм должен был воспрянуть, выработать гормон молодости и повернуть процесс неминуемого увядания вспять. Тася занималась этими упражнениями уже полгода.

Кирилл сначала смеялся, потом кривился, после крутил пальцем у виска... А сейчас не обращал внимания. Тем более, их режим совпадал только один раз во время рабочей недели, когда у мужчины была работа с аспирантами, и он мог приходить в универ на час позже.

Сегодня был вторник. Значит, Кир уже ушел. Тася потянулась на кровати, приклеила на лицо улыбку и поспешила умываться.

Зубная паста не захотела выдавливаться из пустого тюбика. Конечно, женщина забыла купить новую, а муж и не подумал "поделиться". Тася, скрепя сердце, почистила зубы просто щеткой. Улыбка в зеркале отражалась все более натянутой.

На кухне в раковине была гора немых тарелок - вечером к Кириллу приходили голодные аспиранты - а помыть он и не подумал. Зачем? Он человек ученый. Не барское это дело!... Так, кофе выпили, батон съели. Можно, конечно, разжарить яичницу... Но масло тоже закончилось. А вареные яйца Таина ненавидела с детства.

Пришлось бежать на работу, подкрепившись парой-тройкой сухариков из пакетика и лишними комплиментами своей выдержке: милая, родная, ненаглядная, терпеливая, понимающая!

Охотник (оранжевый)

Уже подходя к остановке, Тася заметила, что ее автобус, который вечно приходилось ждать, трогается с места. Проклиная модные шпильки, кинулась за ним. Женщина летела, как каравелла на всех парусах, не обращая внимания на выбоины на тротуаре, на боль в вывернутой когда-то щиколотке, на чей-то недовольный окрик, когда кто-то попался на дороге. Но уже перед самыми дверями маршрутки Тасю перехватили сильные руки. Она недовольно оглянулась. Водитель, видимо, не заметил ее спешки, и тронулся. Женщина осталась стоять на остановке в обществе...

Ба! Стас! Бывший (как много "бывших", когда тебе за тридцать) красавчик-одноклассник. В него были влюблены все девчонки, и Тася, разумеется тоже. Он - гад такой - встречался с каждой ровно три дня, до первого поцелуя, а потом переходил к следующей. Тася помнила его поцелуй до сих пор. В свои тогдашние шестнадцать - Стас целовался мастерски.

- Куда спешим, Таська?

- На работу, вестимо, - стараясь улыбаться так, чтобы был поменьше виден второй подбородок и легкие морщинки в уголках глаз ответила женщина.

- Тогда, давай подвезу, - Стас галантно распахнул дверцу фиолетовой "Калины". - Ты мне расскажешь, как живешь-бываешь. Я тоже поделюсь бытием...

Тася впорхнула на сиденье, радуясь сэкономленной двадцатке и тому, что не придется нюхать ароматы чужого парфюма вперемежку с испарениями пота.

Всю дорогу Стас заливался соловьем. Пел песни, что получает бешеные бабки, что жена у него красавица, сын - круглый отличник. Женщина, зная, поддакивала, улыбалась, где надо, и советовала, по какой дороге проехать быстрее. Таина знала, что финансы у одноклассника - как у всех (иначе не ездил бы на такой машине), что женился он по залету на Людке из параллельного, что сына его уже три раза чуть не выперли из школы, только папа жены - какой-то чин в ГУНО - пособил внуку. Но зачем рушить такую красивую сказку? Тем более, Тасе хотелось, наконец, узнать, что Стас от нее хочет. И еще - по-прежнему ли он так вкусно целуется?...

Желает (желтый)

Стас подвез до самых дверей, галантно выпустил из машины, проводил под ручку по крутым лестницам. Тася удовлетворенно отметила завистливые взгляды сослуживиц и заинтересованные сослуживцев. Это приятно пощекотало самолюбие. На губах женщины теперь уже блуждала вполне искренняя улыбка.

- Пока, - одноклассник выжидающе смотрел прямо в глаза Таине и не выпускал ее руку из своей. - Может, встретимся вечером? Поболтаем... А то я тебе все про себя, да про себя. А ты ни о чем не рассказала.

- Возможно, встретимся, - тоном царствующей особы решила женщина; она просто купалась в волне заинтересованности Стаса; хотелось верить в свою неотразимость, силу обаяния, способность к молниеносному оболыщению.

- Погоди здесь! - мужчина быстро оглянулся по сторонам.

Тася замерла в моментальном предвкушении: чего же он хочет? Поцеловать? У всех на виду? Не будет ли это как-то по-детски?...

Но ее фривольным надеждам не суждено было сбыться. Хотя, как сказать, что было лучше - легкий поцелуй, или то, что сделал Стас: он подскочил к тетке, неподалеку торгующей цветами, и купил букет из пятнадцати роз.

- Это тебе, - протянул он цветы. - Аванс на вечер.

Тася спрятала лукавую улыбку за благоуханным букетом.

Весь рабочий день настроение было отменное. Сослуживцы, словно охотничьи псы, взявшие след, активно мели хвостами рядом. Сослуживицы разговаривали либо елейно - ядовито, либо сквозь зубы. Но это не раздражало. Даже нравилось. Начальник вызвал к себе и поинтересовался, не пропустил ли он чего.

- В смысле? - уточнила Тася.

- День рождения? - осведомился Григорий Александрович.

- Что вы, я бы пригласила вас первым! - поиграла ресницами женщина. - Так, повышение жизненного тонуса.

- Понятно, - понимающе усмехнулся шеф. - Можете уйти пораньше, если надо.

- Спасибо!

Лишний свободный часок совсем не помешает при подготовке к свиданию. Они договорились со Стасом, что он подъедет к ее дому часам к восьми. И если Тася придет домой не в шесть, а в пять, то можно будет не только быстро принять душ, но и навести сногшибательный марафет. Вот, наверное, Кир удивится...

Кузнецова Дарья

Знать (зеленый)

Кирилл был уже дома, когда Тася переступила порог с шикарным букетом в руках и улыбкой Моны Лизы на устах.

- Торжество? – скупой поинтересовался, в ее мыслях уже бывший, муж.

Женщина отметила про себя, что заинтересованности в его голосе было гораздо меньше, чем в голосе шефа.

- Ага, внеочередное восьмое марта! – съязвила Таина.

Мужчина пожал плечами и скрылся в своей комнате, откуда не выходил ни разу, пока его некогда любимая активно готовилась ко встрече с одноклассником.

А Тася летала. У нее давно не было такой окрыленности в душе. И кто бы мог предположить, что виновником этого состояния будет проклинаяемый некогда Стас. Судьба, порою, делает странные обезьяньи гримасы.

Когда женщина была уже у порога, наносила последние штрихи, благоверный выглянул с удивленным видом.

- Куда-то собираешься?

- Ага, - Таина постаралась придать голосу такую интонацию, чтобы он ей совершенно не поверил, - решили с Каткой в кафе посидеть, и Галкой. У них мужья в отъезде.

- Команда в отрыв, - сухо прокомментировал Кир, кивнув головой. – Я бы не советовал такие каблуки. Домой пойдешь затемно, одна. Хотя, как знаешь.

- Спасибо, за заботу, - отреагировала женщина, но уже в его спину.

Машина Стаса стояла уже у подъезда. Садясь на переднее сиденье, Тася незаметно окинула взглядом свои окна – не наблюдает ли кто? Но за окнами никто не проглядывал, ничей силуэт не тревожил занавесок. Что ж, счастье в этом мире не возможно на все сто процентов.

Стас привез Тасю в «Белые облака» - средненький ресторанчик, но славящийся своими блюдами из мяса фазана. Столик был заказан заранее и сервирован на двоих. Шустрый официант принял заказ.

Таина оглянулась по сторонам. Уютненько. Светло. Пока пустая сцена, но из угла доносилась необременительная легкая музыка. Почти нет людей. Так, еще две-три пары и отдельные персоны, спокойно наслаждающиеся едой.

Вновь подошедший официант налил вина на пробу. Посмаковав немного для приличия, Тася согласно кивнула.

И тут только заметила, что Стас как-то напряжен. Он несколько раз обвел зал глазами, его взгляд периодически останавливался на входной двери.

- Ждешь кого-то? – поигрывая бокалом, спросила женщина.

- Нет-нет, что ты! Ну, давай, рассказывай! Как твои дела? Чем живешь?

Одноклассник задавал дежурные вопросы. Таина чувствовала, что он что-то затевает, но не могла понять, какая роль в этом отводится ей. Настроение медленно приближалось к нулевой отметке. Хваленые фазаны ничем не отличались от обычной курицы, заказанный салат давил на желудок, легкое вино вдруг стукнуло по мозгам.

Тася почувствовала резкую головную боль. Нечаянно приделанные крылья разлетелись по перышку, и женщина неукоснительно приближалась к земле. Все! Надо было прощаться, и уходить домой, пока действительно не стало темно. А она на этих проклятых каблуках, на которых никогда не умела и не любила ходить.

Вдруг Стас оживился. Протянул руку, приглашая на танец. Его внимание забило через край. Таина пригляделась пристальнее и заметила, что столик в углу, куда несколько раз обращался взгляд одноклассника занят недавно подошедшей парой. Вероятно, именно их и ждал Стас, вернее ее – свою жену... Открытие весьма удивило женщину. Чего-чего, а этого она ожидала менее всего! Красавица Людмила крутит роман с мальчиком, лет двадцати от роду! Вот почему бывший одноклассник разорился на цветы и ресторан... И обаяние ее ни при чем... Что ж, Стас ведь и не солгал, отдавая букет, он сказал, что это «аванс». А аванс предполагает работу, по выполнении которой, будет расчет...

Тася решила извлечь из ситуации хотя бы все выгоды: она веселилась от души, позволяла завлечь себя в рискованные, полуэротические танцы, визжала от выступления стриптизеров и стриптизерш (оказывается и такие были в программе). Потом, или, наконец, захмелев, или порядком обнаглев, попросила, косясь на столик в углу:

- Кулев, поцелуй меня, а! Как тогда, давно! – она немножко боялась, что он откажет, но сладкая парочка как раз пошла танцевать, и молодой кавалер слишком ретиво сжимал талию неверной женушки.

Стас подвинулся поближе к Тасе и впился губами в ее губы. В поцелуе было все: техника, абсолютное знание, не раздражающая влажность, страсть – но не было одного – даже малого подобия любви. Оказывается, что не замечаешь в шестнадцать, в тридцать три начинает выпирать со всей отчетливостью. Женщина отстранилась от мужчины, якобы, чтобы стереть с его губ свою помаду.

Но именно в этот момент небо со всей силой обрушилось на плечи Таины: в зал ресторана, подслеповато щурясь, вошел Кирилл, ведя под руку одну свою аспирантку, молодую талантливую девочку, которая счастливо улыбалась и глядела на своего спутника, будто не могла наглядеться...

Где (голубой)

И зачем ей это знание? Жила бы себе, натянуто улыбалась по утрам, проговаривала ласковые прозвища себе любимой... А так. Тася всю ночь провела в скорбных бессонных мыслях. Кирилл – еще позавчера привычный, немного поднадоевший, изъеденный молью, но удобный и потому за надобностью, лежавший на ближней полке – оказалось, ведет свою, двойную игру. Стас, когда-то предмет девичьей страсти, оказался обычным неинтересным рогоносцем, да еще и ревнивым... И оба методично, совершенно по мужски ее использовали тем или иным способом...

Интересно, и сколько продолжается интрижка у мужа? Что это полноценный роман, Тася боялась даже подумать... А что, если б она не подвернулась под руку Стасу и не пошла в тот ресторан? Кир придумал бы все - равно что-то, чтобы встретиться со своей – Господи, как же ее! – Миной что ли... Мина, кличка какая-то... Мина замедленного действия! Разинула рот на чужое, и подавиться не боится! Все они такие, в двадцать... Стоп! А в тридцать с хвостиком?... Таина ведь еще утром тоже была готова пофлиртовать и развести чужого мужа! Стыдно, барышня!

Женщина осторожно повернулась на кровати, где без сна провалялась всю ночь. За окном едва забрезжил рассвет. Но он не радовал. Считается, что утро символизирует зарождение: дня, жизни, счастья... А что нового хорошего нес он Тасе? Да, и что нового была готова Тася подарить этому дню? Своих так и не прижитых детей? Разбитых надежд? Обманутых чувств?...

Как глупо! Где? Когда их с Кириллом чувства стали обыденными, не заметными, как своя рука или нога... А попробуй, отрежь ее!...

У Тае болело все, как будто она попала в молотилку! Было больно ворочаться, невыносимо думать! Где была главная ошибка? Где их параллельные разошлись в разные стороны, хотя должны были в итоге сойтись у горизонта? Женщина почти стонала от физической и моральной боли!... Эти бесконечные вопросы, на которые искать ответы было нужно двоим, причиняли истинное страдание, потому что решала Тася их одна!

И где Кирилл сейчас? Она видела его последний раз там, входящим в ресторан. Потом она попросила Стаса извинить ее и ушла, без объяснений. Шла пешком, прямо по шоссе. На полпути скинула ненавистные туфли, разодрала колготки, порезала ступни. Но это было таким незначительным!

Тася была уверена, Стас встреч искать больше не будет. Да и она наелась под завязку его попресневшим заплесневевшим поцелуем!

Женщина заставила себя встать. Выбросила букет роз, любовно поставленный вечером в самую большую вазу. Потом набрала номер шефа.

- Григорий Александрович? Здравствуйте! Это Таина Белова. Я приболела немного, температура. Можно отлежусь?... Спасибо! Да, конечно!... Буду лечиться!

Все-таки шеф неплохой человек. Хотя причиной недомогания явно считал что-то другое... Тася шумно вздохнула, и в этот момент вдруг, даже как-то неожиданно для себя разревелась. Она рыдала так громко, как плачут обиженные дети, безутешно, крупными слезами...

Женщина не слышала, что домой на цыпочках зашел Кирилл. Постоял, молча посмотрел на безутешную жену, и ушел снова...

Сидит (синий)

Тася сидела на кресле, поджав ноги. Нежданные слезы закончились. Осталось только ощущение вымотанности души.

Женщина вспомнила вдруг тот момент, когда Кирилл впервые привел ее к себе. Еще, конечно, не в эту (четыре комнаты, 150 квадратов, евроотделка), а простенькую однушку - хрущевку. Они спали первый год отдельно. Тася на диване, а Кирилл – на раскладном кресле. Потому как чувства только зарождались....

Кир тогда нашел ее в аэропорту. Она должна была улетать с мамой и отчимом во Францию, где и жил, собственно, Люк. Восемнадцатилетняя Тася не понимала, зачем она там этим счастливым молодоженам. Но мама считала, что просто обязана внести свою долю в бытие мужа, и продала квартиру, где жила с дочерью с момента ее рождения. Значит, девочка оставалась без жилья, и просто обязана была лететь с ними.

А Таина не хотела! Она была согласна поселиться с единственной оставшейся в живых бабушкой – бабой Варей – матерью отца, уехать к ней в Николаевку, пасти коров и доить коз. Девушка незаметно от матери отложила к себе в сумочку свои документы, немного денег от продажи квартиры. Потом «заблудилась» в аэропорту. Ходила, пока не услышала объявление о регистрации. Спрятавшись за колонну, следила, как ищет ее мать, как Люк что-то объясняет ей, потом служащей, как они уходят по длинному проходу в полет, в неизвестность. Тася решила, что напишет маме! И все объяснит! Так надо!

Девушка представила, что будет делать мама, когда получит ее письмо. Как она всплеснет руками, зажмет глаза, как делает всегда, когда хочет плакать. Картинка получилась такой реальной, что Тася не выдержала и заплакала сама. Села в свободное кресло и ревела белугой, не обращая внимания на посторонних людей.

А Кирилл провожал друга. Увидев несчастную девушку, подошел и обнял. Ни чего не говорил, не спрашивал, просто обнял и все...

Он предложил ей поселиться у него. Они смешно делились, где кому спать. Тася настаивала, что на кресле будет спать она, а Кирилл не соглашался...

Это все так ясно встало перед глазами женщины Таины, что она не понимала, куда же делась та наивная девочка Тася? Тот робкий, но и мужественный Кирилл? Он так самоотверженно поглощал ее несъедобные блюда!... Так трогательно мирил девушку с мамой...

Женщина улыбнулась сквозь подступившие слезы...

А потом... Куда все делось потом?... И куда?... Да, и делось ли?... Просто показалось, что исчезло. Мы же не замечаем, что дышим. Можно, значит, и перестать замечать, что любишь!...

Течение мыслей прервал звонок телефона.

- Алло?

- Это гражданка Белова Таина Алексеевна? – тон был сухим и официальным.

- Да? – сердце тревожно забилось, в мозгах стучали молоточки

«беда-беда-беда»

- Это сержант Никишихин беспокоит, Орджоникидзеvский район. У нас ваш супруг. Забирать будете? Надо документы и тысячу рублей.

- Сейчас, - Тася почти шептала замороженными губами. - Я приеду!... Скажите, мне сразу в морг?

- Зачем в морг? - опешил милиционер. - Он в вытрезвителе у нас. Если не заберете, пятнадцать суток оформим с сообщением на работу.

- Он же не пьет, - Тася почему-то чуть не расхохоталась, нервы были, как натянутые провода.

- Разберемся, - Никишихин повесил трубку.

Фазан (фиолетовый)

Кирилл был не то, чтобы пьяным, но основательно выпившим. На ногах держался, мысли формулировал. Заплетался слегка язык и глаза глядели ласково - осоловело.

Таина еще ни разу мужа таким не видела. Она быстро завершила все формальности, заплатила деньги в кассу и вызвала такси.

Мужчина ходил за ней, как собачонка, молчал, смотрел и шмыгал носом. Его, оказывается, забрали не сколько за «нетрезвость», сколько за хулиганство. Кир почему-то ломился в «Белые облака» с требованием отдать ему блюдо из фазанов, которое осталось нетронутым на его столе.

Такого Тася от мужа, честно говоря, не ожидала. Он был очень бережлив, конечно: видимо, в силу того, что основным капиталовносыщим в их семье - была она. Но требовать возвращения несъеденного блюда? Женщина представила комичность ситуации и хохотнула.

Уже в такси Таина решила, наконец, выяснить, зачем он это сделал. Кирилл опустил голову и засопел. Зная своего мужа, женщина поняла, что он собирается с силами, потому что ему стыдно...

«Как ребенок!» - ласково подумала она.

- Понимаешь, - Кир был робок и тих, - ты же пошла с этим... в ресторан... Значит, тебе захотелось роскоши. Я все понимаю, ты - девушка очень красивая, умная, эффектная, мне не чета... Но это так больно! Я сначала думал, найду тебя, набью ему морду!...

- Ты меня искал? - Тася и верила, и не верила. - Но как?... Как нашел? Ресторанов в городе - тьма, за ночь не обойдешь.

- Как-как... Позвонил Мине. У нее брат в сотовой связи. Он и определил твое местонахождение, - пробурчал мужчина, понизив голос вообще до еле слышного шепота. - Я ей предложил помочь с работой, она помогла мне...

Женщина едва не захлебывалась от смеха. Она, оказывается, вчера оказалась в парадоксальной ситуации: и в качестве приманки для неверной супруги, и сама объектом для приманивая. Как, все-таки однобоки поступки окружающих ее мужчин!

- Тебе смешно! - начал приходить в себя Кирилл. - Я бродил по городу всю ночь, тебя искал, ты же одна ушла, на этих каблучищах. Вернулся домой, ты плачешь, как ребенок! Захотелось подвиг, что ли для тебя сделать, невозможное! Думаю, заберу-ка я этих фазанов, которых заказал, а так и не попробовал, сделаем ужин при свечах... А они милицию вызвали!

- А Мина? - спросила Тася, зарываясь носом в плечо мужа, вдыхая его запах.

- Попрошались и все, - мужчина обнял жену и улыбнулся. - А этот, он кто?

- Никто, - покачала головой Таина. - Попросил помочь, по старой памяти... Так же, как ты Мину.

Спектр (белый)

Вы замечали, что если ляпать все краски в одну кучу на белый лист, получается грязный черный цвет?...

А если каждую краску оставить с ее девственным оттенком, а потом начать быстро вращать по кругу, то получается белый цвет счастья?...

Когда у прежде много лет бездетной пары рождаются дети (тем более, сразу трое), это полная перемена режима, ритма, настроения. Но краски радуги остаются, меняется настрой:
красный – хотелось бы сказать алые губки малышей - тройняшек, но к сожалению, скорее, диатез на пухлых щечках;
оранжевый – цвет волосиков на макушке единственной девочки в родившейся троице (оказывается, был у Кира в роду рыжий прапрадед);
желтый – мальчишки, в отличие от сестры были природными блондинами;
зеленый – ветрянка, и еще кто бы мог подумать, что принесет ее папа, переносящий инфекцию хуже всех;
голубой – цвет самых дорогих глаз не свете;
синий – Тасина любимая кофточка, которую тройняшки решили постирать в синьке;
фиолетовый – цвет не проходящих синяков на детских коленках.
Все цвета сменяли друг друга с лихорадочной быстротой, Тася едва успевала замечать перемены, а Кирилл – так тот вообще не замечал. Белый спектр заполнил всю жизнь...

Лу

Пальцы в волосы

*Пальцы в волосы запускать ярче
И любить тебя звонко-звонко
Этой осенью стала мягче я
Разбудила внутри ребёнка
Пальцы в волосы запускать чётче
И вдыхать аромат свободы
В эту осень влилась я проще,
Чем в любые прошлые годы
Пальцы в волосы запускать честно
Без обмана не только словесного
То, что раньше казалось трюном
Оказалось раздолбанным креслом
Пальцы в волосы запускать смело
И хранить при себе, то что ценно
Не пытаться подделывать нежность
Находясь под умелым прицелом
Пальцы в волосы запускать трепетно
Проникать сильным чувством в голову
Опускаться до неизведанных
На всю жизнь дав отставку холоду
Пальцы в волосы запускать ярче
И любить тебя каждым шагом
Этой осенью стали доверчивы мы
К быстротечным глазам вокзалов
Пальцы в волосы запускать ярче
И любить тебя звонко-звонко
Этой осенью стала мягче я
Ощутила себя ребёнком*

Москва

*Я хочу на патриаршие
Мимо памяти в три четверти
Мимо глаз собаче преданных
Не твоих, и стали старше мы
На приватные столетия
Всех московских дубов-ясеней
Я иду прижаться к прошлому
В окна теплом настоящее
Я хочу на патриаршие
На скамейки нас не ждущие,
Но раскрашенные красками
С наших джинс, и бьёт колючее
Ощущение хорошего
Я хочу на патриаршие
Мимо радуги горячего
Отразившей в луже мне
Тебя*

Гадёныш

Шеф прошёлся по коридору офисного особняка, заглянул в бухгалтерию, чем вызвал некоторое смятение сотрудниц, затем спустился на первый этаж и вышел во двор. Из-за угла послышался детский визг и одновременно грубый крик:

– Ах ты, сука такая, гадёныш! Я тебе покажу!

Не надо, не надо, я больше не буду! Отпустите!

Перед шефом предстала совершенно необычная для его размеренной офисной жизни картина: дюжий охранник одной рукой тащил за шиворот щупленького парнишку, а в другой сжимал чёрный цилиндрический предмет. Парнишка всячески пытался высвободиться. Увидев шефа, охранник остановился.

– Что случилось? – спросил шеф.

– Да вот, Василь Степанович, – взволнованно заговорил охранник, – поймал, наконец! У, гадёныш! – заорал он, обращаясь к парнишке.

– Кого поймал-то?

– Вот этот самый пацан весь наш забор своей мазнёй разрисовал! И ворота! Уже все люди смеются!

Шеф посмотрел на пацана. Тому было лет тринадцать, а может и меньше. На голове красовалась серая бейсболка козырьком назад, за спиной болтался худенький рюкзачок.

– Ну, так что он там разрисовал?

– Да как что? Сами видели, Василь Степанович! – отвечал охранник. – Вот, этим самым баллоном, – он потряс аэрозольным баллончиком, – испоганил весь наш фасад. И главное, ничего разобрать невозможно: вроде и буквы, а слова непонятные.

– Надо же, – спокойно произнёс шеф, – ужас какой. Тебя как звать? – обратился он к пацану.

Тот съёжился.

– Ну, чего молчишь? Как зовут?

– Артём... – неуверенно ответил пацан.

– Понятно. Учишься? В каком классе?

– В шестом, – пацан исподлобья взглянул на шефа. Мощная рука охранника продолжала удерживать воротник.

– А ну-ка, дай сюда этот баллон, – обратился шеф к охраннику, – вроде бы краска для авто? – он начал рассматривать этикетку.

– Так, – продолжал шеф, – значит, ты у нас художник? – и окинул пацана снисходительным взглядом. Тот поднял глаза.

Шеф нажал на кнопку баллончика и оттуда вылетела шипящая струя.

– Слушай, а как называются эти твои... художества?

Парнишка не отвечал.

– Так и будем молчать?

Охранник ещё крепче ухватил парнишку.

– Это граффити, – сдавленно промолвил парнишка.

– О, знакомое слово! – оживился шеф. – Кажется, так называли наскальные надписи каких-то там древних племён... Ты у нас первобытный, что ли?

Парнишка вздёрнул голову и выпалил:

– Граффити – это искусство!

– Вот как? Интересно, интересно! – заулыбался шеф. Парнишка смотрел ему прямо в глаза.

– Отпусти его, – приказал шеф.

Охранник отпустил воротник и фигура пацана приняла свободное расположение.

– Ну так что? Умеешь рисовать? – продолжал шеф.

– Умею, – ответил парнишка.

– Ну молодец. А если умеешь – зачем тогда всякую херню на заборах изображать?

И тут парнишку неожиданно прорвало. Он начал громко и уверенно объяснять, что граффити – это настоящее искусство, но взрослые этого совершенно не понимают, и вообще, вся эта живопись и графика, которая висит в музеях и галереях – пережиток прошлого века, а будущее – именно за свободной настенной живописью аэрозольными баллончиками.

Шеф снисходительно улыбался, а охранник удивлённо наблюдал за столь необычным диалогом.

– Слушай, Артём, – шеф прервал словесный поток пацана, – давай-ка ты мне всё это расскажешь и покажешь на практике. Пошли! – он взмахнул рукой и направился в сторону проходной. Парнишка с готовностью последовал за ним.

– Василь Степанович! – подал голос охранник, – Вы куда? Сбежит ведь!

– Иди, работай, – едва обернувшись, ответил шеф.

Охранник покорно развернулся, закурил и пошёл к офисному зданию. Тем временем шеф вывел парнишку через проходную.

Войдя в особняк, охранник направился в дежурное помещение. Там за пультом сидел сменный оператор.

– Ну это вообще... – раздражённо выпалил охранник.

– Что такое? – лениво отозвался оператор.

– Прикинь, поймал я этого гадёныша, который нам все стены размалевал, а шеф с ним ещё и разговаривать начал. Про живопись всякую... А сейчас вот взял его и повёл за территорию, говорит, типа, покажи, что ты там рисуешь... Обалдеть!

Оператор включил наружную камеру и на мониторе появились две фигуры в чёрно-белом изображении. Возле ворот стояли шеф и пацан с баллончиком в руке. Шеф указывал на ворота, а пацан оживлённо размахивал руками, видимо, пытаясь объяснить непонятливому собеседнику тайный смысл своих произведений. Затем подошёл с баллончиком к бетонному забору и принялся что-то выводить на стене.

– Совсем пацан, – задумчиво произнёс оператор, – лет четырнадцать. И Костик таким же был.

– Что за Костик? – спросил охранник.

– Да сынишка Василь Степановича. Ты его не застал. Погиб он три года назад, как раз четырнадцать лет ему было.

Артём продолжал что-то рисовать на заборе, а Василий Степанович, скрестя руки на груди, неотрывно наблюдал за его движениями.

Сергей Гондаренко

Беспризорник

*Сутулый мальчишка в дырявых ботинках
Стоит в переходе гроши попрошая.
Рядом в гламурных, рекламных картинках
Жизнь нереальная, странность большая.*

*Нет ему радости, нет понимания.
Только в глазах голубых его, жалких,
Ловится чье-то скупое внимание,
А впереди только розги и палки.*

*По чердакам, по подъездам, подвалам
Будет скитаться он всю свою бытность.
Смерть ему станет счастливым финалом,
А жизненным принципом - вечная скрытность.*

*Никто не поможет, никто не согреет,
Некому будет излить свою душу.
Люди забудут, земля отсыреет
Ветер лишь губы и мысли осушит...*

Русь

Где б не был я, чего бы не боялся,
Каким вином не заливал бы грусть,
В каких бы чуждых странах не скитался -
Тобой дышу, моя Святая Русь!

По бездорожью, в стареньком польтишке,
Бреду и наслаждаюсь красотой...
На санках мчатся резвые мальчишки,
И снег сияет чистый и густой.

А в воздухе витает вдохновенье,
И в дрожь бросает лютый твой мороз...
Я счастлив и доволен без сомненья,
Что сердцем я в тебя навеки врос.

И пусть я вырос далеко отсюда,
Ты все ж моя, и этим я горжусь.
Ты всякого заставишь верить в чудо...
Тобой живу, моя Святая Русь!

Кирилл Венриков

Вам не кажется, что будет в этом мире слишком душно,
Если мы закроем двери, если мы захлопнем окна,
И с закрытыми глазами, отделим участок суши,
Понастроим там заборов, охренеть каких высоких,
И посадим там на цепи, злющих собаков кусачих,
Если мы запремся дома, и укрывшись одеялом,
Мы не будем выбираться ни на море ни на дачу,
В выходные на премьеру не пойдем мы в кинозалы,
В интернете все скачаем, впечатления на форум,
Будет жизнь наша меняться, словно статусы в контакте?
Представляете на что же будем мы похожи вскоре?
Буду я большой морковкой, ты - шпинат, а Петя кактус.
Будем кушать удобрения, потреблять большую влажность,
Скоро вырастем большими, заслоним собою звезды,
И тогда любое чувство будет нам уже не важно,
Но зато тогда хотя бы будет всюду свежий воздух.

Короли горных вершин

Страховки, связки, карабины,
Крюки и кошки за спиной.
Нас вновь зовут к себе вершины,
И сторонится люд хмурной.

Нам греет души воздух чистый,
И нас не сдерживает страх.
Ведь мы с тобою альпинисты,
Мы вечно странствуем в горах.

Мы чертим новые маршруты,
Томясь в палатке вятером.
И часто кажется нам, будто
Удачу чуем мы нутром.

Друзей не мало мы теряли...
Не всем нас довелось понять.
Но мы вершины покоряли,
И снова будем покорять.

Мой ледоруб - он друг надежный,
Друг друга мы не подведем.
Пускай наш путь сегодня сложный,
Я свято верю: мы дойдем.

И стоя там, над облаками,
Глотая воздух кое как,
Изнеможенными руками
Мы водрузим российский флаг.

Мы были здесь, пусть каждый знает!
Друг другу скажем мы в тиши:
"Пойдем еще, ведь не бывает
Непокоряемых вершин".

Галоши или мокроступы

Перед вами новая рубрика. В ней вы сможете познакомиться с различными интересными фактами из истории языка: происхождение слов или крылатых выражений, изменение значения слов... Все это помогает лучше понять оттенки значений используемых нами слов, их сочетаний, устоявшихся фраз.

И начну я, пожалуй, с очень спорной темы: чистота русского языка. Об этом всегда говорится много, и у каждого на этот счет свое мнение. Свое я оставляю пока при себе, но поделюсь кое-какой информацией об истории вопроса.

Дело в том, что в начале девятнадцатого века вопрос засорения русского языка иностранными (в особенности французскими) словами стоял очень остро. Многие дворяне вообще на французском говорили лучше, чем на русском. Ну, и конечно тогда были свои борцы за чистоту родного языка.

В частности, против засилья иностранных слов выступал адмирал Шишков. Он настаивал на том, что всем иностранным словам можно, и нужно, придумать русский вариант, замену. Так, вместо слова «галoши» он предлагал ввести слово «мокроступы», а вместо слова «тротуар» - «топталище». Слова, как вы сами видите, временами, получались весьма комичными, и совершенно не прижились в русском обществе. Над Шишковым даже подшучивали: тогда была очень распространена присказка, что по-русски правильно говорить так: «Хорошилище идет по гульбищу из позорища на ристалище». Ну как, хороша фраза?

А означала она следующее: «Франт идет по бульвару из театра в цирк».

А на свои места все расставило время. С одной стороны русский язык вобрал в себя все те же галоши и тротуары, ну или, например, кофе. А с другой, очень многие французские слова, которые в девятнадцатом веке практически полностью заменили российские аналоги со временем из языка ушли, или стали малоупотребимыми.

Вот такая она, борьба за чистоту русского языка.

Кроме того, хочу обратить ваше внимание на то, что очень многие слова, которые большинство считаем исконно русскими, таковыми совсем не являются.

Например, вот некоторые слова, которые лично я всегда считала русскими:

БАНЯ - восходит к латинскому *balneum* («баня, ванна, купальня»), куда пришло из греческого.

КАЗНА - В древнерусский язык слово пришло из языков азиатских народов (скорее всего, татар), где оно употреблялось в значении «сокровищница».

ЛОШАДЬ - Слово ведет свое происхождение из тюркского языка, от слова «алаша», которое в переводе означает «мерин». Данное слово является широко распространенным в тюркских языках, и часто встречается в странах Восточной Европы как тюркизм.

Иногда слово употребляется с «ат»: «алаша ат», т.е. «конь». В русском языке слово образовалось именно из «алаша ат».

ПАЛАТА - Это слово пришло в русский язык из латинского (через греческий) и первоначально использовалось в значении «дворец, покой». Затем употреблялось для обозначения некоторых государственных учреждений. Во времена Петра I появилось значение слова «палатка» - «небольшой солдатский шатер» (до этого слово использовалось как синоним «дома»).

О истории языка

СВЕКЛА - Греческое – seukla (свекла), Древнерусское – сеукль, свекла. Впервые отмечается Срезневским в форме «сеукль» в Изборнике 1073 г. Данная форма указывает на греческое происхождение слова. Происхождение слова в греческом до сих пор не выяснено. Форма «свекла» появляется позже – в XVI–XVII вв. (впервые – в «Домострое»).

УРА!

Предположительно, немецкое междометие *hirra* образовалось от глагола *hurren* со значением «быстро двигаться». В русском языке «ура» стало широко употребляться в XVIII в, в эпоху массовых заимствований из немецкого языка.

УТЮГ

Тюркское – «утюг».

Предположительно, слово образовано от корня со значением «проходить сквозь, мимо, через». Из тюркских языков слово переключалось в языки иранской группы – персидский, афганский, таджикский, осетинский. Здесь его основа не имела конечного -г, возникшего на русской почве под влиянием других слов с конечным -г («плуг», «круг»).

Светлана Халикова

Мусульманин

Памяти моего боевого друга М.В.

Пополнение привезли незадолго до отбоя. Тридцать необученных бойцов, в новеньких шинелях, с чистыми вещмешками поступили на вооружение доблестной воинской части. Разместили их поначалу в полковом клубе, потом стали разводить по ротам и казармам.

Команда на вечернюю поверку. Все в одну шеренгу.

– Рядовой Подолян?

– Я!

Когда расходились после проверки, подошёл смуглолицый солдат кавказской наружности. Остановил, ткнул пальцем в грудь.

– Подолян, да? Армян?

– Какой я тебе армян?

– Армян... – расплылся в улыбке кавказец.

– Украинец я! – почему-то испуганно начал оправдываться Подолян.

– Украински армян, – ещё сильнее заулыбался кавказец. А в глазах виднелись ледяные иголки ненависти.

Мусульманин хренов, – подумал Подолян.

Подошёл сержант и дружески хлопнул кавказца по плечу:

– Та успокойся ты, Миша. Цэ нэ армян, цэ наш украинський хлопэць, – И, обращаясь к земляку, спросил: – Ты, мабуть, з Подолья?

– Я из Киева, – ответил Подолян.

– От видишь, – обрадовался сержант, – в нашу роту армян не берут, так шо всё в порядке. – И он увёл смуглолицего кавказца подальше от греха.

Так оно и было. Отцы-командиры тщательно следили, чтобы армяне и азербайджанцы не служили в одной части. Зачем лишние проблемы?

А смуглолицый солдат был азербайджанцем по фамилии Алескеров. Имя какое-то азербайджанское, труднопроизносимое, поэтому он вовсе не возражал, когда русские называли его просто Миша.

– Личное время! Разойдись! – прозвучала команда.

Личный состав послушно разошёлся по своим углам. Рядовой Подолян уселся у окна, достал тетрадку и ручку и продолжил сочинять своё письмо. На чём он остановился? Нужно ответить, что всё у него хорошо. А ещё написать те самые стихи, которые недавно придумались. Он начал их выписывать на бумаге.

Вдруг толкнул его кто-то в бок.

– Армян! Пишешь, да?

Рядовой Алескеров выхватил тетрадку и начал читать про себя. Лицо вдруг стало серьёзным, губы перестали шевелиться...

– А ты стихи пишешь, да? Девушка есть? – спросил он.

– Есть, – ответил рядовой Подолян.

– Хороший стихи, – продолжал Миша.

Что ты можешь понимать в моих стихах...

– Я тоже стихи писал, – неожиданно заявил Алескеров. – Хочеш почитаю? – и загадочно улыбнулся.

Подсел рядом и начал читать. Какие-то непонятные стихи на непонятном языке. Но очень мелодично и даже красиво. Закончил, сделал паузу и сказал:

– Вот так!

Он прекрасно сознавал, что ни одно слово не было понято. Но ему нравилось, что кто-то выслушал его стихи и ни разу не перебил.

– А это о чём? – растерянно спросил Подолян.

– Это про две звезды. Они светят на небе и смотрят друг на друга. Хотят встретиться, понимаешь? Это я хотел послать моей девушке. У меня девушка есть, по переписке.

Оказалось, что Миша уже полгода переписывается с русской девушкой, которая живёт далеко, но после дембеля они хотят встретиться. Приехать в воинскую часть она не может, потому что учится в институте, а родители у неё очень строгие.

Открылась дверь и в комнату вошёл ещё один мусульманин, Мишин земляк. Произнёс несколько слов на непонятном языке. После этого рядовой Алескеров повернулся к Подолян и скомандовал:

– Эй, армян! Чай давай приготовить! Быстро! Время пошло!

Среди ночи кто-то настойчиво тряс за плечо.

– Армян, давай вставай!

– А? Что такое? – сквозь сон отозвался Подолян.

– Ты сегодня дежурный, снег убирать.

– Какой дежурный? Наш взвод дежурит завтра!

– А ты дежурный сегодня, понял? Вставай, кому говорил!

– Иди ты, – глухо ответил Подолян и тут же получил мощный удар в лицо. Сильные руки стащили его с кровати и заставили подняться.

Перед ним стоял коренастый дедушка-азербайджанец.

– Ты не понял, да? Быстро оделся и пашол! Или дедушка за тебя снег убирать будет, да?

– Ну шо, зэмляк, як воно, служба? – спросил однажды сержант Павленко.

– Всё отлично, товарищ сержант.

– Та ладно тебе. Я ж понимаю, шо тут тебя немного нагибают наши дедушки... Ну ты тоже понимай, они больше тебя жизни знают. Так шо не шуми, когда-то сам станешь дедушкой и тоже будешь усех нагибать!

Подолян никого не хотел нагибать и чуть было не ответил резко... Но сдержавшись, промолчал. А потом сказал:

– Товарищ сержант...

– Та якый я тоби товариш, – оборвал его сержант, – мы ж зэмляки. Звать мэнэ Коля.

– Вот скажите, товарищ сержант, почему эти мусульмане все так держатся друг за друга? Азербайджанцы, казахи, узбеки? А наши люди молчат, как воды в рот набрали? Или потому, что нас меньше?

Сержант Павленко заулыбался и назидательно объяснил:

– От ничего ты не понимаешь, Подолян. Яка разница – мусульманин, христианин? Тут всё зависит от срока службы. Я ж, когда с учебки пришёл, младшим сержантом, так тоже сперва возмушался, шо меня всякий рядовой чурка тут мог послать. И шо теперь? Те чурки ушли на дембель, а я теперь уже сержант, скоро самому домой, теперь меня все слушают! Так шо терпи! Сегодня тебя имеют, а завтра – ты! – И расхохотался, искренне, от всей души...

– Эй, армян! Вставай, вставай!

Кто-то дёргал за плечо. Подолян с трудом раскрыл глаза и увидел Алескерова.

– Вставай, пошли!

Поднялся, надел тапочки и пошёл вслед за Мишей. Зашли в каптёрку.

Миша в ту ночь был дневальным третьей смены, как и положено дедушке, поэтому большую часть ночи был свободен и вполне мог спать в своё удовольствие.

Но вместо этого Алескеров зачем-то поднял Подоляна и захотел с ним побеседовать в каптёрке.

– Давай, кури, – протянул сигарету.

Подолян закурил.

– Тебя Сергей зовут? – спросил Алескеров.

– Ага.

– Сергей, тут у меня к тебе дело есть. Просьба.

Ничего себе – просьба! Дедушка-азер о чём-то хочет попросить? Интересно!

– Помниш, я говорил, что у меня девушка русская есть? Письма пишем. Я ей хотел стихи послать.

– Ну помню.

– У неё скоро День рождения, поздравить хотел. Письмо написал, а стихи на азербайджанском. Она ещё не понимает. Я её потом научу... А сейчас надо, чтоб она прочитала всё на русском. Ты можешь перевести?

Подолян никогда не переводил стихов и очень озадачился. Алескеров всё прекрасно понимал.

– Вот смотри, я тут написал. Вот это стихи на азербайджанском. А дальше я каждую строчку объяснил, по словам. Вот надо, чтобы ты сделал это нормальными русскими стихами. Очень надо, Сергей, я её очень люблю. После дембель я к ней поеду и хочу познакомиться с родителями. А потом забрать к себе.

Миша протянул тетрадный листок, исписанный мелким почерком.

– Ну, я не знаю, – ответил Подолян, – получится ли это сделать.

– У тебя палучится! – улыбнулся Алескеров, – Ты хорошие стихи писал своей девушке! – и он подмигнул. – Давай, попробуй, у неё через месяц День рождения. Надо успеть.

Подолян не успел. Воскресным вечером, проходя мимо КПП, он увидел, как распахнулись ворота и на территорию части заехал зелёный воинский автомобиль с красным крестом. Из машины выскочили двое с носилками и побежали в направлении склада. Очень скоро из того же КПП показалась фигура майора – начальника хозяйственной части, он тоже понёсся на склад. Через несколько минут двое медиков быстрым шагом шли обратно. На носилках лежал рядовой Алескеров.

Объявили общее построение. Ротный некоторое время нервно расхаживал по фронту, затем остановился и сказал:

– Вы уже знаете. Рядовой Алескеров получил травму при выполнении строительных работ. Сейчас он в госпитале, состояние крайне тяжёлое. Повреждение внутренних органов, селезёнка... Срочно требуется кровь для переливания. Группа первая, резус-положительная. Добровольцы есть? Прошу шаг вперёд.

Подолян шагнул вперёд, и вместе с ним ещё шестеро.

Они молча ждали очереди в коридоре. Напротив Подоляна сидели трое азербайджанских дедушек, лица их, казалось, почернели от горя. Ещё вчера один из этих азеров, проходя мимо тумбочки, неожиданно заехал дневальному Подоляну кулаком под дых. Тот согнулся от боли, а довольный азер произнёс: «Армян дежурный тумбочка!» – рассмеялся и пошёл дальше.

Теперь же этот самый дедушка стал похож на беззащитного ребёнка. Он поднял на Подоляна блестящие глаза и в них читалось: ну как же так? Нам же три месяца до дембеля, и вот так глупо, глупо...

Когда Подолян выходил из кабинета с согнутой рукой, сжимая ватный тампон на артерии, азер поднялся, остановил его и взял за локоть. «Маладец армян, хороший армян» – и пошёл сдавать кровь. Только сейчас, на третьем месяце службы, Подоляну впервые показалось, что его признали человеком.

Ночью по казарме пронёсся шум и зажёгся свет в конце коридора, где кабинет ротного. Минут через десять оттуда вышел замполит и направился между солдатских кроватей к выходу. Подолян приподнялся и вопросительно взглянул на офицера. Тот остановился. Не глядя, тихо сказал: «Миша умер». И, поправив фуражку, быстро, быстро зашагал дальше.

Через день было прощание. Красный гроб установили в полковом клубе. Личный состав медленно проходил мимо гроба и грустно поворачивал головы, в последний раз глядя на полкового товарища. Миша был одет в парадную форму, со всеми значками. Лицо совершенно белое, только под глазами – жёлто-синие круги. Рядом стоял поседевший отец и ещё какой-то приехавший родственник, возле них наготове находился майор – начальник политотдела.

Вечером заколоченный гроб перенесли в ремонтную мастерскую и запаяли в цинковый скафандр. Наутро, ещё до подъёма, погрузили в автобус и повезли на станцию. Вместе с Мишиным отцом и родственником на родину, в сопровождение, отправился один из друзей-земляков, которому по такому поводу оформили отпуск за успехи в боевой и политической подготовке.

– Товарищ лейтенант, рядовой Подолян по Вашему приказанию прибыл!

– Садись, – не поднимая головы, сказал замполит. – Тут у меня к тебе комсомольское поручение, – затем, после некоторой паузы, уточнил, – вернее, просьба.

И поднял глаза. Подолян удивлённо смотрел на лейтенанта.

– Вот письмо, – замполит показал конверт, – это для Миши Алескерова, девушка прислала из Рязани. Она ещё ничего не знает.

Замполит затруднялся продолжить разговор. Немного помолчав, произнёс:

– Письмо полагается отправить обратно. В таких случаях ставится отметка «Адресат выбыл». Понимаешь? Вот, надо бы ей что-то написать...

Подолян всё понял.

– Ты у нас писатель, – продолжал лейтенант, – в боевом листке неплохо пишешь, да и стихи... В общем, нужно бы написать этой девушке. Объяснить, что так мол и так. Погиб при выполнении боевого задания. И утешить как-нибудь. У тебя должно получиться. «При выполнении боевого задания???»

– Товарищ лейтенант, разрешите вопрос?

– Давай.

– А почему Вы сами ей не ответите? Разве у вас на такой случай не предусмотрены какие-нибудь специальные бланки? И вообще, зачем ей рассказывать, что да как? Лейтенант замолчал, потом достал сигарету.

– Нет у нас никаких специальных бланков. А ты ведь с ним, кажется, дружил? Тебе будет легче всё это написать. Ведь если не написать – она подумает, что Миша про неё забыл. Лучше пусть знает правду.

Дружил? Ну да, общались, разговаривали... Больше, чем с другими... Выходит, что дружил. Теперь получается, что так...

«Здравствуйте, Наташа!

Пишет Вам рядовой Сергей Подолян. Мне про Вас Миша Алескеров много рассказывал, мы с ним служили в одной роте.

Миша погиб две недели назад. Мне очень горько Вам это писать, но в армии всё бывает, мы же люди военные. Только хочу, чтобы Вы знали – он Вас очень любил. Теперь это, наверное, не имеет значения, но может быть, Вам станет немного легче.

Миша писал стихи и очень хотел их Вам отправить, но они были на азербайджанском языке. Недавно он показал мне один стих и попросил перевести на русский специально для Вас, на День рождения. Теперь я выполняю его просьбу, вот его стихи. И ещё прилагаю тот листок, где он написал азербайджанский текст со своими пояснениями.

Желаю Вам всего самого хорошего. И не забывайте про Мишу, он был очень хороший человек и очень Вас любил.

До свидания.

Сергей.

Две звезды

*Приходит ночь. И вижу я в окне,
Как две звезды мерцают в вышине.*

*Так грустно, одиноко им светить.
Хотят они навеки рядом быть.*

*Когда-нибудь сойдутся их пути
И все поймут, что их не развести.*

*И зацветёт весенняя сирень,
И вспыхнет ночь светлей, чем яркий день!»*

Павел Мамбеев

Роль

*Сдув конфетти с выходного наряда,
Гордый Щелкунчик дочитывал роль.*

Расходилась толпа благодарная.

*В сладкую пудру крысиного яда
Впился ноздрями вчерашний король.*

Растерявший крысиную армию.

И стало слово

*Колодец горлом ухватил ведро.
Давился снегом деревянный рот.
В холодных пальцах раскрошился хлеб.
Припало небо животом к земле.*

*Устали стены, потолок просел,
И стало слово - попросить за всех,
И стала песня - оборвать струну.*

Голодный ветер объедал страну.

Время оставаться

*Я не жалею ни о ком.
Перроны пригородных станций
Заносит пеплом и песком.
Приходит время оставаться
И веровать, что смерти нет.
Подземным труженикам тыла,
Прижавшимся лицом к стене,
Жжет ожидание затылок.*

Закат

*На плечи стыдливый закат
Густые багровые блики
Накинул нарядом вечерним.
Гадаем на россыпи карт,
Каленые частые пики
Вгоняя в горячие червы.*

*На тонком овале лица
Холодные губы камен.
Минуты несутся по кругу.
Закату не будет конца.
Безмолвные белые змеи,
Мы сыты хвостами друг друга.*

Пирожки скворчали на сковороде, иногда постреливал раскалившийся жир, и из кухни по всему дому расплзался аромат уюта и благополучия. Казалось, что на свете приятнее запаха и быть не может.

Бабушка, ловко орудуя чапельником и вилкой, выхватывала из сковороды подрумянившиеся пирожки с печеню и сбрасывала их в большую чашку. Лоснившаяся от жира и масла горка быстро увеличивалась. И ничего вкуснее в жизни я отродясь не ел.

Хватаешь горячий пирожок под строгим взглядом бабушки, губы которой тронула улыбка, и перебрасываешь его с ладошки на ладошку, чтобы немного остудить. Но не выдерживаешь и, обжигаясь, откусываешь с одной стороны, а потом смотришь, как в маленькую дырочку, словно из вулкана, вырывается пар. Он наполнен ароматом горячего теста и печени с луком...

Сроду ко мне больше не приходили такие сны, в которых я чувствовал запахи и вкусы, наполнявшие слюною рот. Лишь осенью 42-го, когда немцы рвались к Волге, а весь советский тыл рвал жилы, чтобы помочь фронту.

- Миколка, вставай, - бабушка Поля, шаркая стоптанными тапочками, вторгается в мой сладкий сон, в котором я пытаюсь попробовать свои любимые пирожки. - Просыпайся, внучек. Завтракать пора.

Мать уже ушла на работу в госпиталь. Ей 28 лет, но она напоминает иву у пруда, что неожиданно засохла в августе. Ещё месяц назад чёрные, словно сажа, волосы матери припорошила седина. Как первый снег, упавший на недавно вспаханную землю.

- Сейчас, ба, - отзываюсь я. В доме прохладно, и совсем не хочется покидать уютный мир под стёганым одеялом, согретый теплом моего тела. В этом мире ещё витает запах пирогов, выдержанный каким-то таинственным образом из сна, нет страха и печалей.

Никогда больше у меня не было такого аппетита, как в ту осень. Я постоянно хотел есть. Даже пробовал жевать траву и листья, но, кроме тошноты и горечи во рту, ничего не получал.

Выскочив из-под одеяла, быстро натянул домотканые серые штаны с помочью и рубаху с тремя пуговичками у ворота. На кухню я отправился вприпрыжку. Холодный деревянный пол хватал меня за пятки, словно пытаюсь отобрать остатки тепла.

- Ба, а когда мы немца побьём? - с традиционным утренним вопросом я взгромоздился за большой обеденный стол.

- Скоро, внучек, скоро, - всегда отвечала бабушка и ставила передо мной металлическую кружку с разбавленным водой молоком и накрытую горбушкой хлеба. Муки в нём постепенно становилось меньше. Зато отчетливее проступала горечь крапивы. Но я молчал.

Мой отец бил немцев под Москвой, и я должен делиться с ним хлебом. Так объясняла баба Поля. Я всё понимал, хотя мне только шесть лет с небольшим. Я никогда не был глупым, а капризным стать не успел. В те годы мы выросли быстрее, чем старели наши родители.

Батьку своего я почти не помнил. Он ушёл на фронт летом 41-го. Чёрные усы, слегка пожелтевшие от махорки, да терпкий запах свежескошенной луговой травы - всё, что осталось в памяти от отца. На старых поблекших фотографиях он был совсем не таким, как мне представлялось. Лицо знакомое, но вот кто это, вспомнить не получалось.

- Вот язви тебя в душу, - раздался из сенцев скрипучий, как у колодезного журавля, голос. Что-то гроыхнуло, я прыснул в кулак. Дед Прохор опять сослепу едва не споткнулся о Тимофея. - Пришибу тебя, чертяка рыжий. - Дед, тяжело ступая и опираясь на клюку, вошел в кухню, но продолжал грозить пальцем себе за спину. - Чуть не убил, злыдень ты окаянный.

Бабушка поставила на стол ещё одну кружку. У деда молоко было разбавлено больше моего, но он всегда выпивал его с удовольствием. Покряхтывал и вытирал ладонью бороду и усы, на которых, как роса на траве, висели мутно-белые капельки.

Дед, взглянув на меня из-под кустистых сероватого цвета бровей бледно-голубыми глазами, спросил:

- Опять сегодня с Федькой пойдёте к пруду германцев топить? - Я кивнул. - Ну, тодысь нарвите камыша, если ещё остался. Надо бы в сарае крышу подлатать, прохудилась малость.

- Нарвём.

- Только осторожнее, ноги не замочи и ручки не порань, - наставляет бабушка, когда я спрыгиваю с табурета и выбегаю из кухни.

На улице тепло, но в ночь бывают заморозки, белёдые следы которых видны по утрам на деревьях и кустах. Осень успела выдуть летний зной из Чуйской долины и плеснуть золотом на листья тополей и карагачей. Ветер с гор несёт прохладу и, закрадываясь под одежду, холодит тело.

Я только успел выскочить за калитку, как увидел белобрысого Федьку, который размахивал палкой, словно Буденный саблей, и трусил в мою сторону.

- Пойдем фрицев топить? – щурит глаза конопатый дружок.

- Пойдём. Только камыша нарвать надо.

- Нарвём, - машет рукой Федька и устремляется вприпрыжку к околице.

У сельского пруда было тихо. Лишь изредка доносилось приглушённое тьяканье собак. Ещё недавно здесь резвились колхозные утки. Они подобно белым пароходам рассекали зеленоватую, затянутую ряской воду, или терпеливо ныряли, смешно задирая розовые лапы. Иногда устраивали драки на берегу, широко расставляли крылья, шипели и разбрасывали вокруг перья. Совсем как подушки, которые бабушка развешивала на заборе и поколачивала деревянной палкой.

Уток забрал фронт. Вслед за мужиками и сопливыми выпускниками сельской школы, пшеничным хлебом и парным молоком.

Мы с Федькой любили проводить время на пруду – это наш театр военных действий. Такое выражение я не раз слышал от деда и запомнил, как прилипчивый стишок.

Мы бросали в воду травинки и листочки, которые превращались во вражеские корабли. Они подбирались к берегам нашей Родины. Ни я, ни Федька никогда не были на море, но мы не сомневались, что всё происходило именно так.

После появления вражеской эскадры я торжественным голосом, пытаюсь скопировать радио, объявлял:

- Внимание! Внимание! Фрицы наступают.

- Огонь по гадам! – подхватывал Федька, и на плавающие травинки обрушивался град глиняных комьев или камней. Шансов выжить в такой переделке у врага не было. Корабли противника ни разу не достигли нашего берега и не смогли высадить десант.

- А тётке Вальке вчера письмо принесли про Пашку, - сообщил Федька, вытирая грязные руки о штаны и шмыгая носом.

- Откуда знаешь?

- Мамка с бабкой вечером говорили. Думали, я сплю, но я всё слышал. Сказали, что где-то возле моря его убили.

Я теребил зубами травинку и вспоминал Пашку. Он был самым хулиганистым школьником в селе. Курил самосад и гонял всех пацанов, даже нас с Федькой. Я боялся этого нескладного и угловатого детину, который воровал у своей матери самогон и распивал с друзьями возле пруда.

Но теперь во мне проснулось что-то похожее на жалость, как два месяца назад, когда издох наш старый пёс Тузик. Один раз он меня хватанул за пальцы, и я обходил его стороной, но обязательно дразнил. А когда собаки не стало, я плакал.

Уже тогда я понимал, что умереть – это не улететь на небо ангелом, как говорила бабушка, а лечь в яму, в которую будут сыпать землю. А позже воткнут в холмик крест, словно ключ, что запрет дверь за спиной покидающего дом.

- А ты боишься умереть? – спрашиваю я отрешённо, словно роняю камешек в воду.

- А как это?

- Ну, как Пашка?

- Это когда мамка и соседки плачут?

- Угу.

- Я не люблю, когда мамка плачет.

Играть больше не хотелось, и мы пошли ломать камыш. Его почти не осталось, но, побродив по берегу пруда, мы смогли собрать целый сноп.

Федька взял половину, прижал колючие стебли к груди и, смешно, как гусак, расставляя ноги, пошёл к селу. Я смотрел ему вслед, и мне вдруг стало жалко своего единственного друга. Я и предположить не мог, что накануне нового года Федька умрёт. Лихорадка за три дня сожрёт его, а женщины будут жечь костры, чтобы размягчить землю и похоронить иссохшее тело.

На его могилке вырастет берёза, которую не сажали. Через три недели после смерти Федьки убьют его батьку, а мамку соседи вытащат из петли и свезут в город Фрунзе*. Больше я её никогда не увижу.

Дед опирался на клюку и подслеповато шурился на нас с Федькой. Старый и сторбленный, ежеминутно срывающийся в кашель, – мне всегда казалось, что так должен выглядеть Кощей Бессмертный. Только дед не был страшным и даже изредка баловал меня, покупая на рынке леденцы. Или, усадив на колени, начинал рассказывать, как сражался в Сибири с войсками Колчака, а потом откомандирован в Среднюю Азию для борьбы с басмачами.

- Вот молодцы, внучки, - откашлявшись, похвалил нас дед. – Замесим глины и подлатаем крышу.

- Я домой, - сказал Федька и, попрощавшись, поскакал по улице, как красноармеец на невидимом коне.

Дед потыкал клюкой в кучу сваленного у забора камыша и посмотрел на небо, по бездонной голубой поверхности которого плыли редкие облака-кораблики. Подумал, пошамкал губами и сказал:

- Снеси камыш в хлев. Негоже ему здесь валяться. Народ нонче охоч до воровства стал. Тянет и то, что раньше не замечал и за добро не признавал.

Пока я носил колючий камыш в хлев, дед с кряхтением устроился на крыльчке и ловко свернул «козью ножку». Курил он самосад, от одного запаха которого наворачивались слёзы, а в горле першило, будто туда проскользнул муравей.

Из-за угла дома показался кот Тимофей. Мягко ступая, он приблизился к деду, с наслаждением потянулся и сел рядом. Обернулся хвостом вокруг передних лап. «Кот в унтах», - смеялась мать, если видела Тимофея в такой позе.

Крупный котяра цвета осеннего листа в темную коричневатую полоску был диковатым и агрессивным. Бабушка рассказывала, что в предках у Тимофея прописался камышовый кот. От домашних сородичей он унаследовал только одно – любил, когда ему чесали за ушами. Но позволял делать это лишь деду. С остальными домочадцами вёл себя подчеркнуто независимо и в руки не давался.

Если Тимофея подкармливали на кухне, он принимал еду с таким видом, словно делал одолжение, уплетая сметану или творог. Когда кота сняли с довольствия, он спокойно переключился на мышей и крыс, которых раньше ловил для развлечения. Казалось, что война обошла его стороной, он был таким же упитанным, как и год назад, шерсть лоснилась, а характер оставался скверным.

Дед опустил ладонь со скрюченными пальцами Тимофею на голову и стал почёсывать его за ухом. Кот прикрыл большие янтарного цвета глаза, перечеркнутые чёрным, как уголь, миндалевидным зрачком. Но я чувствовал, что это показное равнодушие. Наверняка Тимофей не выпускал меня из виду, четко отмечая все мои перемещения по двору.

- Что, чертяка рыжая, поохотился? Есть ещё кого ловить? – дед попыхивал «козьей ножкой» и прищуривал глаза от едкого дыма. – Оно, видишь, как дела у нас паскудно идут. Опять голодно стало. Самим скоро жрать нечего будет.

- Деда, а он разве тебя понимает? – спросил я, мелкими шажками приближаясь к крыльцу. Мне тоже хотелось погладить Тимофея, но пока ни разу не удавалось этого сделать. Если я подкрадывался к нему со спины, кот подпускал меня близко, но в самый последний момент отскакивал в сторону и удирал, задрав хвост.

- Стал бы я беседу заводить, если бы Тимофей ничего не понимал. Это люди, внучек, меж собой договориться не могут, а умный человек с тварью Божией всегда общий язык найдёт. Если ты к Тимофею с открытой душой да без злого умысла подойдёшь, то и он к тебе потянется.

*

*

*

Мать уходила на смену в госпиталь, который располагался в трех верстах от нашего села, на окраине Фрунзе, затемно. Возвращалась обычно поздно, чаще за полночь. Только изредка ей удавалось добраться туда или обратно на попутной телеге.

От матери пахло лекарствами, карболкой и чужими страданиями. Эти запахи настолько впитались в неё, что я ощущал их и спустя годы после окончания войны, когда госпиталь закрыли. Он исчез, оставив большое солдатское кладбище.

Сколько я ни просил мать взять меня с собой на работу, она лишь отнёкивалась:

- Нечего, Миколка, тебе там делать. Мешать только будешь. Да и не зачем смотреть на горе людское. Жизнь вся впереди – успеешь лиха хлебнуть.

Я слышал, как она плакала по ночам, пряча голову под одеяло. Или когда сидела с бабушкой по вечерам на кухне:

- Такие молодые, а уже покалеченные. Их ещё девки не целовали, а они старики стариками. Ох, мама, как мне душу от этого разрывает. Но я терплю, вона все губы в кровь искусаю, чтобы не разреветься.

Бабушка обычно молчала, лишь изредка тяжело вздыхая. Если мамке хотелось порыдать, то бабуля прижимала её голову к своей груди и гладила по седеющим волосам. Но не всегда скопившуюся боль можно выплакать. Порой она засядет крепче любой занозы и беспрестанно берedit душу.

*

*

*

Однажды поздно вечером, дело к зиме шло, мать вернулась домой совсем расстроенная. Меня быстро отправила спать. Но я, как и раньше, выскользнул из ещё не успевшей согреться постели и прокрался к кухне. За столом в полумраке, который едва разгоняла свечка, сидели мать, дед и бабушка. Молча, что заставило меня насторожиться.

Я стоял и дрожал от холода, только зубами не клацал. Хату топили так, чтобы было чуть теплее, чем на улице. Зиму обещали суровую, вот дрова и берегли.

- Нормы опять урезают, - проговорила мать. Её голос подрагивал, она еле сдерживалась, чтобы не разрыдаться.

- Ох, как же в зиму-то без запасов? – бабушка всплеснула руками и покачала головой.

- Не знаю, мама. У нас и менять на базаре уже нечего. Коленьке сейчас хорошо питаться надо, растёт ведь. Да и заболеть может, если ослабнет от голода.

- Может, обойдётся всё? Малец он крепкий, а ты беду не накликавай понапрасну. Глядишь, Господь и смилостивится, - бабушка перекрестилась на угол кухни, где висела старая почерневшая от гари и чада икона.

Тут дед кашлянул и вступил в разговор:

- Тимофея... это, если что - забьём. Вон чертяка как к зиме отъелся, крупнее кроля стал. Хоть и кот, но мясо всё ж таки.

Я испугался и не мог поверить в услышанное. Дед, который души не чаял в Тимофее, предлагал его убить! В глазах защипало, я едва не разревелся от такой несправедливости. Мне хотелось выскочить из укрытия и закричать, защитить кота. Но в то же миг в тёмном углу, с другой стороны кухни, что-то сверкнуло и послышался шорох.

Сколько я не всматривался, так ничего и не увидел. И тогда страх, словно оторвавшись от холодного пола, взобрался по ногам, царапнул по животу и сжал сердце. Я метнулся к кровати, залез с головой под одеяло, но долго не мог заснуть. Мне представлялся Тимофей, которого дед забьёт, как до этого кроликов, когда они у нас ещё были.

Сон оказался сильнее моих страхов и постепенно сморил меня. А на следующее утро выяснилось, что Тимофей пропал.

Анна Легенькая

- Никак, чертяка рыжий, что-то учуял, вот и сбёг, - говорил дед, качая головой. Но в голосе совсем не слышалось печали. Мне даже показалось, что в его белой бороде прячется довольная ухмылка. – А может, кто до нас словить кота заприметил. Вот и сгинул Тимофей в чьём-то котле.

Но в это не верил ни сам дед, ни я. Слишком умён был Тимофей, чтобы так глупо расстаться с жизнью. Зато теперь каждое утро, только проснувшись, я спрашивал у бабушки не про немцев, а про кота. Но она лишь отрицательно качала головой.

Казалось, что с пропажей Тимофея в дом пришла беда. Все старались говорить тише, даже пол и двери скрипели глуше. У взрослых совсем исчезли улыбки, словно их забрал злой колдун.

***

Тимофей объявился через неделю. Я проснулся сам, с удивлением отметив, что бабушка не пришла мне пожелать доброго утра. Я лежал в тишине и рассматривал вязь из трещинок на потолке, когда услышал, что на кухне разговаривают. Голоса были приглушёнными, и любопытство живо вытянуло меня из постели.

Когда я вошёл на кухню, бабушка и дед внезапно замолчали. На столе лежал комочек чего-то розовато-белого с жёлтыми прожилками и густо облепленного грязью.

- Ба, что это?

- Нога это, баранья, - сказала бабуля. И в её глазах я увидел страх, словно она смотрела не на мясо, а на ядовитую змею.

- Тимофей притащил и на крыльце оставил, - продолжил дед.

- Он вернулся! – обрадовался я.

- Вернулся. Только ты, внучек, никому об этом не рассказывай. За это нас по головке не погладят, - дед произнёс это так, что я всё понял. В его голосе впервые за многие годы вновь лязгнул металл, который, как мне казалось, уже давно съела ржавчина старости.

- Что ж делать-то с этим? – бабушка присела на табурет и безвольно опустила на колени натруженные руки.

- Что-что. Спрятать надо в подпол, а Тимофею спасибо сказать, - ответил дед.

Он отвернулся от стола, глаза его блеснули. Так в первый и последний раз в жизни я видел слёзы деда Прохора. Даже когда в 43-м пришла похоронка на его сына, моего батьку, он не проронил слезы, только ещё сильнее постарел и сгорбился.

Бишкек, 4-16 декабря 2009 года.

Омуртай Журпеисов

Мама

Ночь. Тишина. За окнами мороз,
Прохожий, кутаясь, идет в тумане,
А на столе букет, красивых роз,
Подарок, в День рожденья! милой Маме

Я знаю, трудной жизнь у нас была,
В лишение средств, ты часто говорила,
Терпи дитя, Господь! поможет нам,
А, по ночам ты, молча, слёзы лила.

Сильна ты духом нежная Моя,
Слезам Веры к счастью путь искала,
И как скала, в награду за любовь,
Я, дочь твоя, на ноги рядом встала.

Ты, спи родная, беззаботно спи,
И ныне, в жизни, я твоя опора,
Ты научила нас, как дальше жить,
Без пьянства, зависти, скандала,
И без спора.

Есть в жизни грань, что разделяет всех,
В семейных драмах, колеса судьбы
И в этой жизни, трудной не простой
Господь! воздаст за все твои труды.

Виновата

Май. В соцветиях сады душу грели
Соловьи мне по весне песни пели
Растворились мы в любви от Заката
А с утра родня твердит...
Виновата!

Не забыла я тебя, не забыла
И когда ушел служить, волком выла
Подарил твой друг кольцо в три карата
Стыд на совести моей...
Виновата!

Я ждала тебя солдат, дни летели
Ты не пишешь мне уже три недели
Мне подружка все твердит "пуста трата",
Не дождалась... милый мой,
Виновата!

Не взлететь на небеса синей птицей
Исстрадалась в золотой клетке биться
"Слезный" плач в груди моей, судьбы соната.
Ты прости меня солдат...
Виновата!

Я под куполом стою в тиши таинства
Перед образом Святым, Материнства
Сын родился у тебя, любви расплата
Перед мужем и тобой ...
Виновата!

Анна Легенькая

Вдохновение в облаках ищите

Это и селом-то назвать нельзя. Полонина* такая, среди гор. Зеленая по весне, словно\смагдами** расцветена. И домики по ней разбросаны. Три, четыре. В двух семьи живут, а остальные по хозяйству, для овец загон, для коров. И кругом копички *** столбиками стоят.

Я туда с рюкзаком и пришла. Попросилась на пару деньков – передохнуть, сил набраться. А дальше снова – горы – Карпаты.

Меня приняли, словно это обычное дело. Словно каждый раз сюда путники с рюкзаками заходят. А может, оно так и было....

Семья целыми днями по хозяйству, старшие дети из города редко приезжают – в школе учатся. Младших двое, еще без штанов бегают. Но хозяйственные – то отцу уздечку поднесут, то половы натаскают, то сидят в траве – играют.

А еще жил с ними молодой парень. У нас бы дурачком его прозвали, а здесь – нет. Здесь его любят, жалеют. Сам как-то прибился, три года тому. Среди зимы пришел. Отогрелся и остался. И хозяину с хозяйкой помощь, и детишкам радость. Дети в нем души не чают. Куда он, туда и они. Он им все что-то рассказывает, а они и рады.

- Дядько Грицько, кажи казочку!

Он сидит, поилку для овец сбивает, и сказки говорит.

А так, все ходит, улыбается. Увидит, кому помощь нужна – бежит, помогает, не спрашивает. Любят его здесь, жалеют.

Он и меня встретил первым. Если бы не он, я верно бы мимо прошла. Ну, не принято как-то сейчас на постой проситься. Времена не те .... А он увидел, подбежал, улыбнулся, рюкзак снял. Я за ним и пошла. И хорошо сделала. Погода в горах испортилась, того и гляди ненастье на полонину обрушится.

Вот и переживаю здесь. Хозяйка накормила, да и пошла по делам. А Грицько со мной сидит. Смотрит, как я ем, и улыбается. Молчит. Мне сначала неловко как-то, а потом .... "Ну, ... пригелась, что ли?" И я ему улыбнулась.

Мне почему-то подумалось – похожи мы с ним. Вот я иду, а куда? Просто иду. Есть у меня заплечный дом, а что еще надо? Мне сейчас надо идти, просто необходимо. Это внутри что-то, в ногах, в груди. Что-то распирает, и если не идти, то умереть можно. Это я еще там, в своем прежнем доме поняла. Останусь – умру.

Вот и ушла. И хорошо, и радостно. Сразу там, внутри, как-то все улеглось, утихомирилось, радость по телу растеклась. Я иду, и мне хорошо. А что еще человеку надо? Надо только чтобы хорошо,... чтобы вот так, как сейчас. Горы, полонина эта, люди добрые.

Я ем, а Грицько все смотрит, улыбается. Вот он улыбается, и вроде как мне, и не мне. А чему-то своему, что только он знает, но знает через меня. Потому что на меня смотрит.

Стемнело. Хозяйка детей уложила, и мне постелила. В горах спать, это словно ты не на земле спишь, а словно над землей. Легко так, что и словами не передать. И чтобы выспаться, всего четырех часов хватает. Я сначала удивлялась себе, думала - бессонница что ли?

В городе как? Сначала не заснешь, полночи мысли всякие, а потом проснуться – хуже пытки. А здесь - закрыла глаза, воздух, и холодный и теплый одновременно, и внутренность всю объял ласково так, и убаюкал. А глаза открыла, вроде как все еще ночь. А нет, уже рассветная звездочка появилась. И ноги сами встают. А мысли хрустальные, как вода эта, которой умываешься.

А она мягкая, как мамины ладони.

А тут проснулась я от скрипа двери. Кто-то вышел в темноту. До рассвета еще полчаса. Гляжу в окошко, а это Грицько куда-то в горы идет. И потянуло меня за ним. Снова это чувство беспокойное изнутри толкает, зовет. Встала, оделась и пошла.

Грицько быстро идет, хоть и вверх, а на ход легкий. И мне от его легкости самой легко как-то. Иду, не отстаю. Вот уже и вершина. Не самая высокая, вокруг другие, вдалеке даже снежные пики.

И вот, на вершину Грицько ступил, и рассвет. Разлился кругом, розовый еще, холодный, но такой манящий. Сел Грицько на камень, на самой вершине, достал что-то из-за пазухи, приложил к губам. И ... музыка полилась, полетела. Рассвет ей радуется, все ярче кругом разливается.

Потом Грицько что-то говорить начал. А что – разобрать не могу. Стою поодаль, оглушенная зрелищем. Подошла ближе, слышу, а это он сказку рассказывает. Я рядышком присела осторожно, и заслушалась. Сейчас уже ни слова не вспомню. А чувства, ощущения – они до сего дня со мной. Говорит он, а из него, словно что-то исходит. Словно дух какой-то, паром изо рта, вместе со словами вырывается, и вверх, к облакам несется.

Там с облаками смешивается. И не слышала я более нигде удивительных таких историй. А он много их рассказал. А я все слушала, и следила, как они улетают к облакам, как присоединяются к миру, и разлетаются над горами.

Вот оно, где вдохновение живет – подумалось мне. На этой вершине рождается. Из Грицька выходит, с облаками смешивается. А дальше только следи, только улови момент, когда облака эти над тобою .... И ты их хватай крепко, или вдыхай нежно, и пиши, пиши, пиши ....

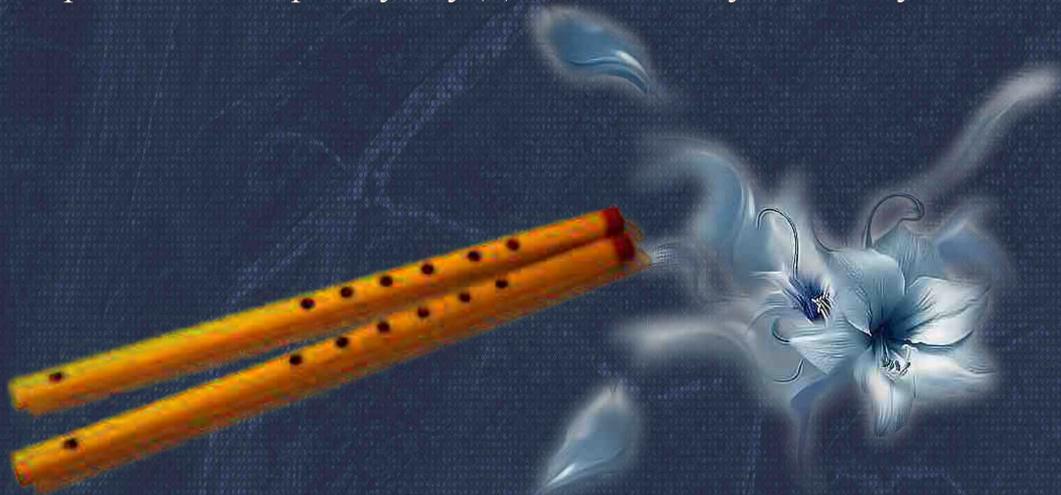
У Грицька историй много, он каждое утро на эту вершину ходит, каждое утро сказки говорит.

На следующий день я распрощалась с добрыми людьми. Грицько меня провожал еще. Рюкзак нес. А потом вытащил из-за пазухи сопилку**** свою, протянул.

- Я еще себе вырежу. А ты, если место себе, где отыщешь на Земле, играй на ней, она сказки рождает.

С тех пор самых я и пишу. Отыскала место на Земле. И дом нашелся, и люди добрые. Меня здесь любят, жалеют.

За полчаса до рассвета на вершину иду. Достают сопилку из-за пазухи и солнце встречаю.

---

* (укр)Смарагд – изумруд.

** Полонина - равнинная местность среди гор.

*** Копиця – стог сена.

**** сопілка – дудочка.

Алексей Березкин

Она никогда не заметит,
что он уходил.

Каждый Охотник Желает Знать

В медицинской карте запишут диагноз.
Рецепты врача бесполезно читать.
Клин клином вышибет-
не каждый выживет.
Сколько лет жизни растрачено?
Пять.

Шагами меряю квадрат комнаты
Окна проем
Распахнут глазницей
Ночь.
Укутает
и измельчит .
Такие минуты пахнут больницей.

Спираль истории на новом витке,
Увеличив дозу, повторяет прошлое
Кто-то кричит -
...город молчит
Святое и светлое грязнее пошлого.

Размером хлестким, строкою каждой
Над "i"
Точки расставить пытаюсь
Лечит-ли время?-
Вопрос времени.
Вы улыбаетесь - я скалюсь.

В ваших квартирах,
Забившись в комнаты,
Трясетесь,
Боясь повстречать костлявую.
Я же
С ней перешел на "ты"
И морду ей вытираю слюнявую.

Можете прятаться сколько угодно
Итог не изменишь-
пути лишь разные
Не ошибается тот,
кто ничего не делает.
В принципе,
Этим многое сказано.

Каждый охотник желает знать,
Где он расставил свои капканы
Семь раз отмерь.
Начинай отрезать.
Или так и останься
- рваный.

Осеннее

Дождь.
Косомордый, седой, ноябрьский.
Тишина. Окно. Сигареты.
Минутная слабость.
Плохие приметы.
Я.
И, случайно, ты...

Вечер.
Зонты. Раскисшие лужи.
Люди. Не люди. Скоты.
Простужен,
Но знаю, что хуже:
Я.
И, уж точно, ты...

Знаешь,
А если предложат,
Чтоб город наш был снесен
И спросят:
«кого в нем оставить?»
- Тебя.
И, пожалуй, всё.

60 Hz

Мы с тобой - два предсердия
Одного пост-операционного сердца.
Моё молчит. А твоё, из милосердия,
Выдаёт за двоих шестдесят в герцах.

Мы с тобой – в одной упряжке лошади.
Только я – исхудалая кляча.
И ты тянешь наш воз по площади,
Ясность взгляда в слезах пряча.

Мы с тобой – атеизм и религия.
Я топлю твоей библией печку.
Ты, собирая по крохам усилия,
За меня под иконами ставишь свечку.

Мы с тобою – висок и пуля.
И нам не стоило бы встречаться,
Хотя.. Заходи, как-нибудь, хули... [sic!]
Я никогда не умел прощаться.

Я давно потерял тебя.
А теперь вот - наоборот. Знаешь,
Быть может,
В этот самый момент,
Ты
Меня
Теряешь.

Я еще у твоих закрытых дверей
Сбиваю в кровь руки.
А ты в одном
Из моих друзей
Ищешь
Лекарство
От скуки.

Я не хочу ничего говорить –
Итак немало сказано.
Сигарета тлеет.
Рвется нить,
Которой
Были
Связаны.

Мне себя никогда не простить
За то, что пришлось прощаться.
Наверное, я
Не умею любить.
Или просто

Римская

Ученик чародея, или немного о поэзии как о магии

Писать стихи - это все равно что заниматься магией. Как еще назвать процесс, когда поднимаешь из глубин подсознания эмоции, вплетаешь их в мысли и облекаешь все это в рифмованные заклинания?

Стихи ведь и есть заклинания. И лучше, когда они сильные и связные.

Но чародеями не становятся за час.

Каждый, кто выбирает этот путь, поначалу неизбежно сталкивается с отсутствием опыта и неумением связно выразить свои мысли.

Первые опыты - это когда ты часами выводешь магическую формулу, а когда ее произносишь, гусеница превращается в трехногую собаку. Сидит что-то корявое, хромое и смотрит на тебя грустными глазами.

Поначалу ты не можешь определить истинную литературную ценность собственных опусов, равно как и интересность их кому-нибудь, кроме тебя. Это же все твои детища. И ничего, что у одного из них нет ноги, а второй без глаза. Поэтому ты так остро реагируешь на критику. Если кто вдруг из лучших побуждений станет критиковать твое раннее творчество.

Параллельно ты читаешь чужие стихи. Как правило, лучше своих на тот период (хуже найти сложно :). Видишь их особую магию. Спрашиваешь себя, как автору это удалось. И можешь даже на какое-то время пойти учеником к какому-нибудь чародею. Той школы магии, которая тебе больше по душе.

Он покажет тебе основные ошибки в заклинаниях и научит хотя бы не лепить трехногих собак из гусениц.

Постепенно заклятия у тебя получаются все лучше и лучше, ты учишься формулировать свои мысли, но все же остается ощущение, что чего-то не хватает.

И по мере становления ты понимаешь, что вполне способен сотворить из гусеницы красивую бабочку. Или хамелеона. Но еще не способен создать жар-птицу. Таковую, чтобы залила все волшебным светом, и у всех людей, глядящих на нее, было бы на лицах выражение счастья и восхищения.

Молитва

Я

Уже склонен уверовать в Господа...

Упасть плашмя на главной площади

И заорать, что есть воздуха в легких:

Боже,

Смилуйся!

Пощади!

Распни меня, грешного!

Венок надень,

Расстреляй из всех видов оружия –

Так будет лучше, чем каждый день

Задыхаться

В её

Равнодушии.

Хочешь, Всевышний, я помогу?

Чтоб ты не запачкал святые руки,

Я сам себе

Сердце

Вырвать

Смогу.

Только скорми его этой суке...

Ты начинаешь понимать, что пишешь для других. И не хочешь, чтобы твоя жар-птица была похожа на чью-то еще. Это первый шаг к самостоятельности.

И ты отбрасываешь каноны и ищешь свой путь. Пробираешь разные виды магии, пока не остановишься на паре-тройке наиболее близких тебе. Подбираешь такие сочетания в заклинаниях, которые раньше (ты надеешься) у других магов не встречались.

Но вот ты выработал свой узнаваемый стиль. Уже почти не грешишь смазанными рифмовками, сбоями ритма и размытыми формулировками, лишаящими стихотворение силы.

И вдруг задумываешься, о чем ты пишешь.

А действительно - о чем?

О том, что интересно тебе.

Каждый писал о взаимоотношениях, о природе, об обществе, о Боге. Разумеется, с доступным ему уровнем мастерства.

А что важно для сильного эксклюзивного заклинания? Выбрать тему, за которую еще никто не брался? Или оформить избитую тему так, как о ней еще никто не говорил?

Смысл написания стихов - это взгляд твоими глазами. Важно как то, на что ты смотришь, так и то, что ты видишь и как это формулируешь в своем стихотворении.

Что важнее - то, на что ты смотришь? Мысли и чувства, которые у тебя при этом возникают? Верность формулировки, раскрывающая твои мысли? Все в равной степени важно. Смотри на мир, учись думать, учись выражать свои мысли так, чтобы другие тебя поняли.

Стихотворение - это то, что ты способен дать миру.

Что люди хотят найти в чужом стихе? Созвучие своим мыслям и чувствам, но сказанное словами другого. Твой взгляд на проблему, которая их волнует.

Какие основные темы волнуют людей? Взаимоотношения, война, Бог, смерть, природа, смысл жизни, юмор... Есть еще? Разумеется. Но эти обычно волнуют больше.

Кто является хорошим чародеем?

Создающий "мир внутри мира". Когда ты идешь вроде по знакомой улице, а он расставил на углах домов старых поросших мхом пней, напустил тумана, зажег болотные огоньки, добавил уханье совы и лягушачье кваканье - и вот ты уже на болотце. Ты видишь эту улицу так, как видит ее он. И тебе это нравится.

Есть и те, что наоборот - выплеснут в небо лазури, протянут радугу над домами, раскрасят здания в яркие цвета и вывесят праздничные флаги.

Ты видишь то, что видит Мастер...

Если при чтении произведения у читателя возникает ощущение гармонии и сопричастности, цель автора достигнута...

По большому счету цель поэзии - это передать свои мысли и ощущения другим. Так почему одни стихи все знают наизусть и цитируют из поколения в поколение, а другие в лучшем случае прочтет горстка случайных читателей с тем, чтобы забыть их на следующий день?

Все дело в мастерстве чародея? Хороший чародей сотворит такое заклятие, которое будет интересно всем.

Стихи такого автора будут касаться вечных тем. Но сделано это будет так нетривиально, что у тебя не возникнет и тени ощущения, будто ты жуешь уже тысячу раз кем-то жеванную жвачку. Наоборот, ты найдешь в его стихотворении что-то новое для себя. И удивишься тому, что можно было так точно и красочно о чем-то сказать.

Где грань между новаторством и откровенным бредом?

Критерий прост - показать стихотворение как можно большему числу людей. Желательно, более-менее разбирающихся в поэзии. Если процентов 80% в восторге, стих удачен.

За сим откланяюсь. Желая удачи молодым чародеям и отвечаю поклон зрелым и состоявшимся магам :)

Дарья Кузнецова

Хенде Хох

- Всё, открывай глаза!
- Ёлки-палки, Серёга, напугал!
- Я с любопытством рассматривал Серёжкину амуницию.
- К чёрной кожаной куртке-косухе и кожаным же штанам он сегодня присовокупил какие-то нелепые очки и чёрную рогатую каску. Я осторожно потрогал рог.
- Настоящая?
- Пластиковая, конечно... - гордо произнёс довольный Серёжка. – Ну, как?
- Где-то я такое уже видел... - ухмыльнулся я. – Кащей в каком-то старинном фильме рассекал в подобном обмундировании...
- Сам ты Кащей... - обиделся Серёжка и сплюнул под ноги. – Спиннинги взял?
- Конечно... - я замялся. – Слушай, Серж, ты вот так прямо и поедешь?
- Не, по городу - нет... - Серёжка вздохнул и снял каску. – ГАИшники будут тормозить – кто, откуда, почему в травмоопасной каске... Хотя – какая она травмоопасная, рога от удара ребром ладони отскакивают...

Через полчаса мы уже весело мчались по загородной трассе.

Старательно выкрашенный заботливым хозяином в фатальный чёрный цвет мотоцикл «Урал» с коляской добродушно урчал, жадно пожирая километры до глухой деревеньки, где проживали сержкины предки. Предки предков. Дед с бабкой.

Мы, решив весело и с пользой провести свободное время, отправились туда на рыбалку. Щук там всегда было в избытке. У нас же были в избытке молодость, желание и пиво.

Тёплый июльский ветерок задорно свистел, запутываясь в Сержкиных рогах, встречные автомобилисты, притормаживая, дружелюбно глазели на нас и моргали фарами. Картинка, наверное, действительно была ещё та...

Мне ведь Серёжка тоже всучил чёрную каску. Только без рогов. Наверное, чтобы я не портил общего впечатления. Я и не портил. Сидел себе в коляске и скромно помалкивал. Жаль, что мы не видели себя со стороны. У меня отчего-то не проходило ощущение, что наш чёрноколорный рогатый тандем сильно напоминает вражеский мотопатруль последней Отечественной... У Серёжки, видимо, тоже, потому что... Так, всё по порядку...

В общем - я устроился в коляске, откуда торчала одна моя голова. В чёрной каске. Дело в том, что ветрового стекла у коляски, конечно же, не было... А я всё ещё прекрасно помнил ту прошлогоднюю историю, когда мне, мчащемуся во весь опор на забавном и шустром мотоцикле, прозванным «козлом», по бескрайним уральским полям, прямо в лоб прилетело какое-то огромное и довольно прочное насекомое. Типа жука-носорога... Ощущение выстрела в упор, знаете ли... Из гранатомёта!

Поэтому сейчас я сидел тише мыши, периодически потягивая охлаждённый "Erdinger" (ещё более усиливая сходство с тогдашним врагом - пиво-то немецкое!) с риском выбить передние зубы на каком-нибудь из ухабов, вжимаясь в коляску и... И вообще - изо всех сил стараясь сделаться как можно невидимей для этих беспощадных летающих ПТУРСов.

Хорошо-то как!

Мрачноватые ели по обочинам дороги высокомерно-снисходительно кивали нам, жизнерадостные осинки самозабвенно экстазировали в своём бесконечном лёгком танце, а сороки, напоминающие сварливых тёток, недовольно треща, суматошно разлетались с почти пустынной дороги в разные стороны. Солнышко припекало, то прыгая по ветвям деревьев, то бросаясь с головокружительной высоты в голубые озёра, то и дело возникающие по сторонам, и рассыпаясь от этого в миллионы сверкающих бликов. Хорошо... Хорошо вот так сливаться

с природой, ощущая при этом приятную прохладу пивного бочонка под ногами!

На самом въезде в деревню Серёжка резко затормозил. Я открыл глаза и, шурясь от яркого солнца, узрел толстомордого кота, степенно переходящего дорогу прямо перед передним колесом нашего дредноута. Кот был чёрным. Абсолютно чёрным. Как смоль. Как наш мотоцикл.

- Серж... - неуклюже заворочался я в коляске, пытаюсь разглядеть под торчащими рогами выражение лица. – Ты в приметы веришь, что ли?

- А ты не веришь? - хмыкнул Серёжка. – Подождём малёхо. Вон орёлик навстречу какой-то...

Серёжка удивлённо замолчал. Я уловил направление его взгляда и воззрился туда же. На кота.

Подлое усатое существо, дойдя до середины дороги, остановилось, подождало, когда приблизится встречный лихач и только тогда пересекло путь и ему.

- Умный... - прошипел Серёжка. – Колдун, точно... А ты «веришь-не веришь»...

Встречный транспорт типа "мопед" тоже остановился.

Молоденький парнишка в расхристанной белой рубашке, шортах и кедах, склонив голову к плечу, внимательно и весело рассматривал нас. Из-за его плеча, синяя глазами, выглядывала растрёпанная белобрысая голова симпатичной девчонки.

- Прошу Вас, сэ... - изобразил галантный жест рукой Серёжка.

- После Вас, вашбродь! - засмеялся парень.

Мы посидели в полной тишине, прерываемой мычанием далёких коров и истеричным стрекотанием невидимых кузнечиков.

- Так и будем стоять? - удивился Серёжка примерно через полминуты.

- А мне торопиться некуда... - подмигнул нам парень, слез с мопеда и принялся преувеличенно деловито чего-то там трогать-нажимать, присев на корточки. Девчонка сразу повернула к себе зеркальце и стала смотреться в него, приглаживая потрясающие пшеничные вихры.

Я вопросительно посмотрел на Серёжку. Он на меня.

- Поехали, а? - как можно жалобней проскулил я, прекрасно зная тупую упёртость Серёжки в таких вопросах.

Серёжка снова хмыкнул, с сомнением покачав рогами и... поехал!

Парнишка, выпрямившись, ещё долго провожал насмешливым взглядом наш экзотичный экипаж.

* * *

- А вон и дед! - прокричал Серёжка сквозь рёв мотора, наклоняясь ко мне. – Видишь? В самом конце длинной прямой деревенской улицы высокий худой старик таскал какие-то жердины, видимо - собираясь ремонтировать прясло.

Серёжка прибавил газу и уже через пару-тройку секунд мы лихо затормозили рядом со стариком. Тот, подняв очередную жердину, оглянулся.

- Млеко, яйки, шнапс, аусвайс, партиза... - с едва заметной улыбкой в голосе начал было Серёжка, заглушив двигатель и пытаюсь соорудить злобную рожу.

Закончить он не успел. В следующее мгновение Серёжка уже валялся на земле, получив довольно шумный удар той самой жердиной в аккурат промеж рогов.

- Хенде хох! - пьяно рявкнул дед, вновь занося жердину для удара.

Кстати, Серёжка не соврал – рога от первого же удара брызнули в разные стороны. Как тараканы от света.

Вот ей-богу не вру, именно в ту секунду, когда я с перепугу уронив бутылку, суматошно пытался выбраться из коляски (...естественно, сразу за что-то намертво зацепившись), я отчётливо понял практическое значение выражения «рога поотшибаю».

* * *

- Эх, дед... - с грустью пробормотал Серёжка, рассматривая треснувшую каску. – Ты ведь так и убить мог... Война-то когда закончилась? Давным-давно...

- Это для вас она была давно, Серьга... - дед отхлебнул нашего пива, презрительно фыркнул и решительно потянулся за самогонкой. – А для меня – как вчера...

Анна Легенькая

A

Женское счастье

В тёплой уютной подсобке три подруги-продавщицы отмечали приближающееся 8 Марта.

– Ой, девчонки, как хорошо-то после третьей... – мечтательно произнесла Светка. – И хочется чего-то такого...

– Понятно, чего тебе хочется. А точнее, кого! – рассмеялась Ирка.

– Чё смешного-то? – с неожиданной серьёзностью вмешалась Валентина. – Всё про мужиков, да про мужиков хихикаете, а что вы знаете о мужиках-то?

– Уж кому бы говорила, – подвыпившие подруги ехидно заулыбались.

– Да ладно вам, – продолжала Валентина, – вот вы, например, про Алёнку слышали? Чё у неё с мужем-то случилось?

– Это какая Алёнка-то? – спросила Светка.

– Та самая, с которой мы в торговом учились, забыла, чтоль? Она сейчас в «Океане» на консервах работает.

– Эт которая?

– Ну та, которая замуж за Серёжку выскочила!

– За которого Серёжку-то? Сколько их, Серёжек, тогда бегало! – захохотала Светка.

– Да за светленького такого, помнишь? Ну, у него ещё джинсовый костюмчик был фирменный, папашка из загранплавания привозил.

– Ааа! Ну конечно, так бы и сказала! – дружно ответили подруги.

– Помню я эту Алёнку, да и Серёжку помню неплохо, – прищурилась Ирка.

– Так вот, я и говорю, – продолжала Валентина, – такое несчастье случилось у Алёнки.

– Чё за несчастье-то? – насторожилась Светка.

– Запил её Серёжка, совсем запил... – грустно ответила Валентина.

– Тоже мне, нашла несчастье, – облегчённо вздохнула Ирка, – многие так живут, и ничего!

– Эх, Ирка, – ответила Валентина, – он запил не так, как многие. Он совсем запил, понимаешь?

Тут подруги замолчали и понимающе закивали.

– Запил Серёжка до такой степени, что Алёнка вообще не знала, что и делать. Такие ужасы мне рассказывала! Каждый день, мол, приходит за полночь, бухой в доску, скандалы, дети под кроватями прячутся...

– Ну надо же, – удивилась Ирка, – такой спокойный парень был в молодости.

– Да все они спокойные и шёлковые, пока не окольцованы, – ответила Валентина, – а чуть почувствуют семейный уют, да жену покорную – тут вся их ласка и пропадает!

– Так и ушла бы от него, – вмешалась Светка, – делов-то!

– Чё ушла, куда ушла? С двумя детьми-то далеко не уйдёшь! Да ещё и без квартиры...

Подруги снова понимающе загрустили.

– Но Алёнка придумала выход. Нашла где-то объявление, что, мол, приезжает известная целительница-экстрасенс. Типа «Избавлю от порчи и сглаза. Верну мужа в семью. Излечу от алкоголизма по фотографии» и всё такое. Ну и клюнула Алёнка на это дело, взяла Серёжкину фотографию и пошла на бесплатный сеанс в наш местный Дом культуры. Там сначала вроде как общее собрание, сидит эта целительница, про какие-то высшие силы лапшу навешивает, а потом: «Желающих на индивидуальный приём прошу в очередь в такую-то комнату, оплата при входе».

– Ну и дура эта Алёнка, – не сдержалась Светка, – нашла к кому обращаться, или ей денег некуда девать?

– Ты погоди, погоди, – перебила Валентина, – послушай, что дальше-то было. Так вот, заплатила Алёнка за приём, не призналась, сколько, заходит к этой экстрасенсике. А та сразу: «Знаю все твои беды! Наговорено на твоего мужа, порчу ему наслано!» Потом Алёнка, правда, вспомнила, что

когда деньги платила, то кассирша её выпрашивала, кого и от чего излечить желает. Ну да ладно. Берёт эта целительница мужнину фотку и начинает чё-то там с ней вытворять. А потом отдаёт назад и говорит: «Когда заснёт твой муж, положишь ему под подушку, и пусть так лежит до самого утра».

– Ой, блин, я не могу! – расхохоталась Ирка. – Прямо как в сказке!

– Зря смеёшься, – заметила Валентина, – сказка-то впереди! Короче, сделала Алёнка всё, как ей сказали. На следующее утро муж, как всегда, опохмелился и пошёл на работу. И что вы думаете? Ровно в полшестого возвращается домой, причём трезвый и улыбается. Алёнка прямо аж обалдела, она ведь его года три таким не видела.

– Нифига себе! – с округлившимися глазами промолвила Светка. – Бывают же на свете чудеса!

– Ну, в общем, покормила его, а он сразу тащит её в спальню и – давай, мол... Алёнка, понятное дело, не ожидала, а Серёжка-то, как в молодости, накинулся и почти что изнасиловал. Пока Алёнка приходила в себя, муж на неё по второму разу лезет. Короче, всю ночь ей покоя не давал, говорит, что пять раз подряд...

– Да врёт она всё, быть такого не может! – удивлённо ответили подруги.

– Врёт или не врёт, – продолжала Валентина, – однако под утро, перед самой работой, он снова её разбудил и... Короче, говорит Алёнка, что пришла в свой магазин как избитая. Дальше, в обеденный перерыв, смотрит – заходит её Серёжка в магазин, в рабочей одежде, и говорит: пошли, мол, в подсобку, кое-что сказать надо. Только зашли – а он двери-то закрыл и опять... Короче, снова овладел по-быстрому и отправился на свой завод.

– Сумасшедший, – удивлённо ахнула Светка.

– Ладно, ладно, продолжай! – сказала Ирка.

– Короче, вечером приходит Алёнка со смены, а Серёжка её уже поджидает. Говорит – детей, мол, к матери отправил, сегодня мы одни... Ну, в общем, Алёнка рассказывала, что на следующий день на работу пойти не смогла, потом ещё объяснительную писала. Вот так-то. И целую неделю Серёжка был как бешеный, измочалил её вконец...

– Ну а что через неделю-то? – спросила Светка.

– Да что... Извелась она совсем, разве ж это жизнь – ни дня покоя! Знающие люди объяснили, что целительница чё-то там неправильно наколдовала. Типа переключила Серёжину энергию не на то направление. А могла бы сделать, чтоб вместо пьянки Серёжка, например, коробки спичечные собирал, или там лобзиком выпиливал, – тихое, спокойное увлечение, никому никаких проблем... Начала Алёнка разыскивать ту целительницу, чтоб как-то обратно подействовала на Серёжку. А оказалось, что эта экстрасенсорша уже в другом городе выступает. Так вот, взяла Алёнка два отгула и рванула сегодня с утра к своей спасительнице. А что делать остаётся? Вот так-то, девчонки! Такое оно, наше женское счастье! Непросто оно, с мужиками-то...

– Слышь, Валя, – вдруг оживилась Ирка, – а где этот Серёжка-то живёт, не знаешь?

– А тебе-то зачем? – сурово спросила Валентина.

И подруги дружно расхохотались.

Мари Риар

Стены или мосты?

Доходишь до точки и видишь стену,
И в мыслях стучит: "Не смогла. Не сумела.",
И ты осуждаешь себя слишком смело,
Себе же самой не прощая измену.

А дальше? А дальше влюбляешься снова
И снова клянёшься, что точно готова
К любви бесконечной и самоотдаче,
Но кто-то над нами всё ставит иначе,

Чем ты ожидала. Не нужен сценарий,
Разорван и выброшен в мусорный бак.
А жизнь - кинокадры, отрывки из арий,
И проблески света, и фразы в кулак...

Доходишь до точки. А кто её ставил?
Кто стены рисует, когда есть мосты?
И кто в иллюзорное верить заставил,
Когда ничего нет вокруг? Есть лишь ты!

Девочка-солнце

Девочка-солнце, как родом из детства,
С той самой земли, где светло и чудесно.
Учи меня петь и летать, как на крыльях
И будут цветы под пыльцой, а не пылью.

Ты девочка-солнце, ты девочка-ветер,
И вся я теперь в твоём солнечном свете!
На небо меня позови, укради,
Стань блеском в глазах моих, жаром в груди!

Ты, девочка-солнце, совсем неземная
Откуда взялась ты настолько иная?
Я, может, свихнулась, живя, как в тюрьме,
И ты мне приснилась... Почудилась мне?

Ничья

Остановите на повороте,
Не дайте сдать красивым пальцам
Тех, кто всё время кого-то ищет
И на любую готов бросаться.

Хотела с первой я вечной страсти,
А со второй о семье мечтала -
Коварны карты червовой масти.
Рискую сильно, но не пропала

Еще. А может вопрос в минутах?
Спасут и вытянут или бросят?
А мысли скачут, как на батутах,
От естества моего уносят.

Спаси меня. Ведь никто не в силах
Одним лишь взглядом лишит соблазна.
Пиши "люблю" на души пробелах.
Я подарю тебе мир... Согласна?

Шукшинская премия

Каждый год на Алтае проводятся Шукшинские чтения, или дни памяти Шукшина. Второе название более точное, так как это мероприятие давно вышло за пределы чтений: это и зрительский кинофестиваль, и посещения мемориального комплекса, и сами чтения и различные конференции. Второе же название более традиционно: именно так это мероприятие называлось в самом начале, с 1976 года, когда через два года после смерти писателя по инициативе Алтайской краевой писательской организации они были проведены в первый раз..

Чтения проводятся в конце июля, в ближайшие ко дню рождения писателя выходные (25 июля).

В год 70-летия (1999 г.) писателя чтения получили федеральный статус.

С 1989 года Алтайской краевой писательской организацией была учреждена краевая литературная премия им. Шукшина. Награждались ею прозаики и поэты, за произведения, изданные не ранее, чем за три года до вручения премии и если эти произведения являются существенным вкладом в культуру Алтая. При этом соискатель премии должен проживать на территории алтайского края и вести активную деятельность в сфере литературы.

Размер премии – 20 000 рублей.

Следующая премия им. Шукшина была учреждена в 1996 году. Эта премия вручалась поэтам и писателям Алтайского края за произведения продолжающие традиции русского художественного поиска. Размер премии составлял 2000 долларов.

Учредителями этой премии являлись "Алтайкапиталбанк" и редколлегия журнала «Алтай».

По мнению некоторых литературных деятелей за годы существования обе эти премии обрели некий дружественный характер и зачастую вручались не столько за заслуги в литературной деятельности, сколько в порядке очередности. Премия вручалась нескольким писателям каждый год.

В 2007 году губернатором Алтайского края была учреждена всероссийская Шукшинская литературная премия. Эта премия вручается раз в два года одному писателю за прозаическое произведение, которое было опубликовано не ранее чем за три года. Кроме того, произведение, автор которого претендует на премию, должно «продолжать лучшие традиции отечественной литературы и соответствовать духу Шукшина».

Для выбора победителя конкурса сформирована специальная комиссия, в состав которой входят: представители Союза писателей России - литературный критик Вадим Дементьев, поэт, первый секретарь Союза Геннадий Иванов, прозаик Владимир Крупин. Из региональных деятелей в работе комиссии участвуют секретарь Алтайского отделения Союза писателей России Галина Колесникова, писатель и журналист Валерий Слободчиков, «патриарх алтайской прозы» Иван Кудинов. Возглавил комиссию заместитель главы администрации края Николай Черепанов.

Кроме того, соискателями этой премии могут быть писатели со всей России, в то время как предыдущие премии вручались только алтайским писателям. К тому же существенно вырос размер денежного вознаграждения – 150 тысяч рублей.

выдвигать кандидатов могут органы исполнительной власти субъектов РФ, муниципальные власти, государственные и муниципальные учреждения культуры, творческие союзы, издательства, редакции журналов.

Понятно, что не всем понравился новый статус премии: ведь теперь она может уходить и за пределы алтайского края (кстати, всероссийская Шукшинская премия вручалась уже два раза и оба раза не алтайским писателям).

И все же то, что премия стала всероссийской, существенно повысило ее статус, хотя и получить ее стало сложнее.

В 2007 году лауреатом Шукшинской премии стал Потанин Виктор Федорович (г. Курган) - за "Собрание сочинений", в 2009 году Евсеенко Иван Иванович (г. Воронеж) - за сборники повестей и рассказов "Пока печалются колокола" и "Сарабанда", сборник рассказов "Вознесение", повесть "Отшельник"

Кстати, за всю историю Шукшинской премии с 1989 года, эта премия всего один раз вручалась женщине: в 1991 г. Козловой Людмиле Максимовне - за "Поэму о древе".

Источники: <http://www.akunb.altlib.ru/LiteraryMap/LiteraryAwards/004.html>
<http://www.akunb.altlib.ru/LiteraryMap/LiteraryReadings/shykshin.html>
<http://www.doc22.ru/information/remark/167>

Flau caim -

<http://gazeta.atakasov.pp.ru>

Flau forum -

<http://gazeta.atakasov.pp.ru/forum/>

Flaua nozma -

gazeta_buk@mail.ru

Flaua epynna b Konmakme -

<http://vkontakte.ru/club5903087>

Flau dnoe -

http://blogs.mail.ru/mail/gazeta_buk/

